

ЛАНА МОРРИГАН

ТЫ МОЯ
ПАРА

18+

Лана Морриган Ты моя пара!

Серия «Любовь на века», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67473819

SelfPub; 2023

Аннотация

У меня есть всё, о чем может мечтать каждая девушка. Красавец-жених, свадебные хлопоты и планы... которым сбыться не суждено. Мой принц оказался чудовищем в человеческой шкуре! Но спасаясь от него бегством, я попадаю в лапы самого настоящего зверя! Новый босс смотрит так, словно хочет меня съесть. Носит бороду, пытаюсь скрыть свой возраст и держит в офисе волка, а я... Я забываю как дышать, стоит этому загадочному мужчине оказаться рядом.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Женя	7
Глава 2. Женя	19
Глава 3. Женя	26
Глава 4. Лео	35
Глава 5. Лео	44
Глава 6. Женя	56
Глава 7. Женя	60
Глава 8. Лео	67
Глава 9. Женя	74
Глава 10. Женя	83
Глава 11. Женя	92
Глава 12. Женя	101
Глава 13. Лео	111
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Лана Морриган

Ты моя пара!

Пролог

Только не вздумай бежать!

Женя резко бросается к открытой двери.

Ну, хорошо, девочка, сыграем в догонялки.

Каких усилий мне стоит неторопливо следовать за ней...

Даю возможность Жене выбежать из приемной. Она те-
рется в коридоре и тратит драгоценное время на раздумье,
бросается в противоположную от лестницы сторону, попут-
но дергая ручку каждой двери.

А вот кабинет юристов я не успел закрыть.

Банка кофе продолжает стоять на прежнем месте, ключья
моей одежды и обувь разбросаны вдоль коридора.

Женя запинается о мои брюки и с глухим стоном падает
на четвереньки. Резко разворачивается, ожидая моего напа-
дения, я утыкаюсь головой в грудь и придавливаю девочку
к стене.

Видят боги, не хотел я такого знакомства.

Не хотел.

Я медленно отступаю на шаг и кладу морду на ее колени.
Слушая рваное дыхание, закрываю глаза, давая понять, что

не опасен.

– Господи, – шепчет Женя, держа руки на весу, чтобы меня не касаться. – Кому скажи, не поверят, – нервно хихикает. Я тихо поскуливаю и глажусь о бок. – Ты меня точно не собираешься съесть?

Собираюсь, но не так, как ты себе это представляешь, и не просто съесть – сожрать!

– Песик... да какой же ты песик, – несмело касается одной рукой моего лба. – Ты настоящий бог всех псов. Вон какой красавец, – гладит, не касаясь прижатых ушей. – Огромный, сильный, красивый и добрый, надеюсь, – быстро добавляет. – Не зря говорят, что питомцы похожи на своих хозяев.

Мне хочется рассмеяться, а выходят фыркающие звуки.

– Разреши мне встать, – она несмело шевелится, а я с силой прижимаю ее бедра к полу. – Ну, хорошо, посидим еще немного. А где твой хозяин, он далеко ушел?

Я раскачиваю мордой из стороны в сторону.

– Нет, – понимает мой жест. – Это хорошо. На автобус я уже опоздала, но домой все же хотелось бы вернуться. Ира, подруга, искать будет, – тон изменился с ласкового на взволнованный. – Подумает, что меня нашел Милосердов!

Я резко вскидываю голову, отчего девушка дергается и ударяется затылком о стену.

– Что ты разволновался? Все хорошо.

Будет хорошо, когда откушу ему голову.

– Ты удивительный, будто все понимаешь. Умный маль-

чик. Тише, – кладет и вторую руку на меня и несмело за-
пывается в шерсть.

Глава 1. Женя

– Ох, Женька, – подруга берет меня за руку и притягивает в объятия. – Ты такая счастливая, – я улыбаюсь и целую щеку в ответ. – Когда же мне так повезет, а? Чувствовала, что не нужно было отдавать тебе ту смену.

– Танюш, между прочим, ты меня уговаривала, чтобы я за тебя поработала. Не выдумывай, – поддеваю.

Официант подходит к нашему столику, подруге наполняет бокал шампанским, а мне – соком и вновь желает приятного вечера.

– Вот отхватила так отхватила. Мне никогда мужики не устраивали посиделки с подругами и тем более не оплачивали их.

– Ты же прекрасно знаешь, что это не просто посиделка.

Таня не дает договорить и заканчивает за меня:

– Да-да, а празднование вашей с Герой помолвки. Колечко когда покажешь? – она тянется через столик, а я прячу руку под салфетку.

– Когда остальные девчонки придут, – отвечаю с мечтательной улыбкой.

Все, что говорит Таня, действительно похоже на сказку. Разве полгода назад я могла предположить, что встречу мужчину своей мечты? Внимательного, щедрого, верного... идеального! В Геру было невозможно не влюбиться. Его обая-

ние окутывало и впитывалось моментально, с первой встречи. С простых слов приветствия, произнесенных уверенно и жизнерадостно, с первого случайного касания руки и приглашения на кофе в тот же вечер. Таким людям сразу хочется улыбаться в ответ, сердце предательски заходится в учащенном ритме. И ты с удовольствием принимаешь его ладонь, берешь под локоть, как будто вы знакомы не первый день и прогуливаетесь по дождливому городу, а на прощание он крадет невесомый поцелуй.

– Эй, Земля вызывает самую счастливую невесту, – Таня машет ладошкой перед моим лицом. – О чем ты задумалась?

– О Германе, – отвечаю, а сама стараюсь спрятать дурную улыбку.

Подруга, не скрываясь, закатывает глаза и смотрит на меня с наигранным осуждением:

– Кто бы сомневался, – весело фыркает и подпрыгивает, скидывая руку. – Мы тут!

– Тань, тише. На нас обращают внимание, – я одергиваю ее. Оборачиваются хмурые люди, и я дарю им извиняющуюся улыбку. – Ты же видишь, их провожает официант. Девочки не заблудятся.

– Переживут, – отмахивается Таня и продолжает усиленно скидывать обе руки. Ну разве можно на нее обижаться? Такая непосредственная и веселая. – Я не виновата, что твой мужик выбрал самый дорогой ресторан города. Пусть эти расфуфыренные снобы нас терпят. Нас – простых парик-

махерш и учителей.

После слов подруги рядом сидящий мужчина внимательно ее осматривает. Поджав недовольно губы, он поднимает взгляд от вызывающе красных туфель на высоком каблуке и платформе, отчего ступня изгибается и принимает несвойственную ей форму, а мне лично просто больно смотреть, по чулкам в мелкую сетку и заканчивает осмотр на кричащем золотом платье.

Да, Танюша сегодня принарядилась от души.

– Приве-е-ет, самая красивая невеста.

Ко мне подлетают бывшие коллеги. С ними мы проработали вместе всего лишь год, но сумели по-настоящему познакомиться. Девочки работали в той же школе, что и я, куда устроилась сразу после окончания университета. Соня была моей соседкой по кабинету, как и я, вела начальный класс, а Лена преподавала историю. Мы легко сошлись, скорее всего, из-за возраста, остальной коллектив школы был предпенсионного возраста.

– Привет, – присоединяется к приветствиям Соня.

Я поднимаюсь навстречу и не могу сдержать нахлынувшего восторга.

– Как я рада вас видеть, девочки.

– Ну же, показывай.

Таня наконец дождалась момента и тянет навстречу раскрытую ладонь.

Мы толпимся в проходе между столиками. Я разворачи-

ваю колечко лицевой стороной вверх и гордо демонстрирую пальчики.

– Очуметь! – Танюша округляет глаза. Наклоняется низко-низко, буквально щекоча меня кончиком носа. – Это что, бриллиант?

– Угу, наверное.

Мне всегда казалось неуместным уточнять подобное.

– Девчонки, очуметь! Вот бы кто-нибудь мне подарил украшения из розового золота с бриллиантами!

– Тань, ну тише, пожалуйста, – я выдергиваю руку и сажусь на свое место.

– Так этот же чертов бриллиант размером с Польшу. Женька, ты хотя бы представляешь, сколько он стоит?

– Нет, и мне не интересно, – отвечаю я искренне.

– Конечно, не интересно, у тебя он на пальце. А мне очень интересно.

Таня достает телефон из сумочки, и ловкие пальцы с ярким маникюром порхают по экрану.

– Очень красивое, поздравляю! – Соне удалось рассмотреть колечко, и я протягиваю руку Лене. Из светлого золота, инкрустированного камнем в виде сердца, оно смотрится идеально на моей руке.

После выкрика неизвестной мне ювелирной марки Таня осипшим голосом произносит:

– Я столько в год не зарабатываю... – по очереди тычет каждой из нас в лицо экраном смартфона.

– Тань, прекрати, – я в очередной раз испытываю чувство неловкости.

– Молчу, буду охреневать молча.

– Танюш!

– Ой, у меня сегодня такое детки выдали! – Соня отвлекает на себя внимание и, склоняясь вперед, рассказывает вполголоса: – Представляете, повела своих крошек в столовую на обед. Слышу, девчонки мои за столом щебечут. Так вы думаете, о чем они разговаривали?

– Про телефоны, про что же еще, – с видом знатока Лена откидывается на спинку стула и расправляет салфетку на коленях.

– И про них, конечно. Но нет. Машулька, эта малявка, рассказывала подружкам, что она бисексуалка, вы представляете? Я чуть кашей рисовой не подавилась. Им же девять лет, девять, – Соня возмущенно всплескивает руками и ждет нашей поддержки.

– А чему ты удивляешься? Мои в седьмом классе уже хвастаются сексом. Представления не имею, о чем именно они говорят. Пожамкались по углам – вот вам и секс.

– Цыц, училки, – командует Таня. – Сегодня мы собрались обсуждать не ваших оболтусов, а порадоваться за нашу подругу— самую красивую девушку третьего лица и студии красоты «Соколов Арт»! Ведь именно там она и встретила всеми нами обожаемого Герочку. Кстати, за его здоровье – отдельный тост. Золотой мужик, какой нам шикарный вечер

устроил. Вы только посмотрите: икра, креветки, всякая другая морская дрянь, даже устрицы. Мерзкие слизняки. Шампанское, я тут глянула в меню, о-хо-хо сколько стоит.

– Ты уже все оценила? – я сокрушенно качаю головой.

– Конечно, надо же знать, насколько он ценит подруг своей будущей жены. И могу вам сказать уверенно: он нас ценит! Здоровья тебе, Гера! – она салютует бокалом куда-то вверх, подняв глаза к потолку, и делает несколько крупных глотков.

Ох, если бы Танюша знала, что Гера ее на дух не переносит, точно бы не стала пить за его здоровье. Стоит упомянуть о подруге – и его аж потрясывает. Он передергивает плечами и отплеивается в сторону.

– Да, ты права, – Соня поддерживает тост. – Мы очень рады за вас. Вы идеальная пара. Не зря ты родилась красавицей.

– Да-да, – вновь перехватывает инициативу Таня. – Если не ты, то кто еще достоин принца?

– Спасибо, девочки.

Я смущена пожеланиями и вниманием. Мы звонко чокаемся бокалами.

– И сегодня не выпьешь? – провоцирует Лена, глядя на фужер с апельсиновым соком у меня в руках

– Нет. Вы же знаете, мне хватит и рюмочки вина, а после я буду испытывать чувство вины за свое поведение и нескончаемую болтовню.

– Правильно, Женек, не нужно пить. Мы и сами справимся, – не дождавшись официанта, Таня подливает себе шампанского и возвращает бутылку в ведро со льдом. – А тебе скоро деток рожать. Маленького Милосердова или Милосердову. Такого мужика надо застолбить. Быстрее рожай от него ребенка или сразу двоих.

– Очень полезный совет, Танюш, но мы сами разберемся, – отвечаю я.

Иногда подруга бывает бестактной.

– Глупый совет, – вмешивается Лена. – Ребенок никогда не удержит мужчину, – она многозначительно на меня смотрит, намекая на собственную судьбу. – А такой, как Милосердов, его еще и отнимет.

– Лен, ты что такое говоришь? – улыбка гаснет на моем лице.

– Правду говорю, Жень. Мужики, наделенные властью и деньгами, не церемонятся со своими бывшими.

За столом повисает секундная тишина, а я все стараюсь понять, как радостный повод для встречи превратился в обсуждение моего будущего развода.

– Не всем так не везет в жизни, как тебе, Лен. Наша Женя будет счастлива, так ведь? – Соня, как и всегда, старается сгладить углы.

– Конечно, – соглашается Лена, получая тычок от Сони под столом. – Расскажи, как вы познакомились?

– Вы все прекрасно знаете эту историю, – отмахиваюсь я,

а сама в сотый раз готова ею поделиться.

– Рассказывай, рассказывай, – торопят девочки.

Вместо того чтобы пятничный вечер проводить с подружками или, поедая вкусняшки, лежать перед ноутбуком, смотреть новый сериал, я, подперев подбородок кулачком, борюсь со сном, сидя на ресепшене студии красоты. А все потому, что поддалась на уговоры подруги.

«Женечка, ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! – каючила Таня. – Меня такой мужик пригласил на выходные, грех отказываться. А вдруг это судьба?! Ты готова помешать нашему счастью? Тебе нужно лишь улыбаться и здороваться с посетителями. С оплатой Ниночка поможет разобраться. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Всего четыре часика, а я привезу какой-нибудь сувенир с моря».

И вот, поддавшись уговорам, опершись на стол и в очередной раз выпрямляя спину, улыбаюсь посетителю, радостно приветствуя:

– Добрый день, студия красоты «Соколов Арт». Рады видеть вас. Вы записаны?

Передо мной открыт журнал записей, и я поднимаю глаза на мужчину. Он недолго рассматривает мое лицо, задерживаясь на глазах, отвечает:

– Добрый, – голос мягкий и обволакивающий, никогда не слышала подобного. – Я на стрижку к Саше Соколову, – говорит так просто имя хозяина студии и присаживается в

кресло. – Кофе предлагать не нужно, и так на работе выпил слишком много, – расслабляет галстук, а я невольно наблюдаю, выглядывая из-за стойки.

Высокий, со светлыми русыми волосами, по которым и не скажешь, что он нуждается в стрижке. Видимо, привык, чтобы все вокруг было идеально. Темно-синий костюм оттеняет серо-голубые глаза. Мужчина кривится, вынимает телефон из кармана пиджака и резким движением сбрасывает звонок. Ловит мой внимательный взгляд, поднимается, кажется, хочет подойти ко мне, но навстречу ему выходит владелец салона, протягивает руку для приветствия и приглашает пройти. А я заинтересованно наблюдаю, как мужская спина скрывается за колонной. Краешком уха слушаю их разговор, за музыкой и фоновым шумом не разобрать ни слова, но мне нравится звучание голоса. Опускаю глаза на журнал записей, делая вид, что интересуюсь следующей записью, пролистываю и нахожу фамилию.

– Г. Милосердов, – шепчу.

– Герман, – вздрагиваю от голоса, раздающегося над головой, и, кажется, заливаюсь краской, но очень надеюсь, что это не так. – Мое имя Герман, вы же это хотели узнать?

– Я...

– А вы Евгения, я все успел уточнить, – он очаровательно улыбается и протягивает теплую руку. – Как насчет кофе?

– Вы же его не хотели, – вкладываю пальцы в раскрытую ладонь.

– А я передумал.

– Я бы с удовольствием, но мне еще час работать, – а сама зеваю от усталости, стыдливо прикрываясь ладошкой. – Это моя вторая работа, подруга попросила подменить, – оправдываюсь.

– А где же вы работаете, Евгения? – Герман облакачивается на стойку и протягивает мне карту для оплаты.

– Я учитель.

Брови мужчины заметно дергаются, и он широко улыбается.

– Это даже лучше, чем я мог подумать. Встретимся через час, Евгения.

– И действительно встретил, – продолжаю я, выныривая из воспоминаний, и счастливо улыбаюсь, оглядывая подруг.

– Как в сказке, – вздыхает Соня.

– Судьба, – Лена отставляет бокал с шампанским и принимается за салат. – Удивительное стечение обстоятельств. Тебе определенно повезло.

– А я этого и не отрицаю, – я пожимаю плечами и улыбаюсь еще шире.

– Милосердов мне определенно должен! – заявляет Таня.

Официант обновляет шампанское и под пьяненькие смешки подруги переходит к следующему столу.

– Как раз сейчас он возвращает тебе долг. Танюш, может, хватит? – я тихо уточняю.

– Ничего не хватит, я, может, первый и последний раз пью шампанское за тридцать тысяч рублей, – довольно ловко подхватывает устрицу и выпивает, запрокидывая голову, словно рюмку. – Все равно гадость, но есть буду, раз оплачено.

Вижу, как Лена сдерживается, чтобы не скривить лицо, но у нее получается натянуто улыбнуться и обратиться ко мне:

– А ты что-нибудь подарила в ответ?

– Представления не имею, что я могу купить. Да у меня и денег-то нет своих. А оплачивать картой Германа его же подарок как-то...

– А я знаю, что ты можешь купить! Это не вызовет подозрений и, поверь, ему понравится. Красивое белье! Или нет. Забудь про белье. Костюмчик. Медсестричка или Красная Шапочка. О! – воскликнула Таня возбужденно. – Костюм училки, – и заливается смехом.

– Тань, у меня уже есть такой костюм, даже несколько. Остались с работы, – смеюсь я над ее идеей. – Не думаю, что Германику понравится, он не сторонник подобных развлечений.

– Ничего ты не понимаешь в мужиках, Женек.

– А мне идея с бельем нравится, – поддерживает Лена.

– Да, белье, – Соня согласно качает вилкой и подтверждает свои слова кивком.

– Решено, после ужина идем выбирать тебе комплект, – Таня радостно потирает ручки и принимает тарелку с десер-

TOM.

Глава 2. Женя

Когда я подъезжаю к квартире Германа, часы показывают девять вечера. Он не любит поздних посиделок и всегда строго следит за тем, чтобы нигде не задерживалась. Переживает. «Мало ли сколько уродов разгуливает по ночам». Не любит тусовки, ночные клубы, шумные вечеринки. Не пьет алкоголь. Иногда я сама себе не верю, что этот мужчина мой.

Поднимаюсь в лифте, попутно обдумывая, как проскочить мимо Геры, принять душ и надеть выбранный комплект. Черное кружево с пояском для чулок. Прозрачный бюстгальтер и прозрачные трусики, совершенно не оставляющие полет для фантазий.

Меня заставили примерить двенадцать комплектов. Девочки кривились, не стесняясь, шумно обсуждали каждую модель, перебирая вешалки, и заваливали примерочную бельем. Я подневолью надевала и снимала, вновь надевала выбранный бюстгальтер и под отрицательное мычание снимала. Но когда приоткрыла шторку и продемонстрировала черный комплект, Таня томно выдохнула и прошептала, протиснувшись по плечи в кабинку:

– Я кончила, Женька. Берем!

Соня активно трясла головой и допивала молочный коктейль, извлекая булькающие звуки. Лены к тому времени с нами не было, ей срочно нужно было вернуться домой – у

дочери поднялась температура.

– И вот эти туфли.

Танюша подвела меня к ослепительной витрине и указала пальчиком, оставляя след на стекле.

– Куда мне такой каблук, я и так высокая, – смотрела с завистью на черные лаковые лодочки с острым носиком и тонкой-тонкой шпилькой.

– Не говори глупостей. Милосердов – мужчина крупный.

Стоило мне их примерить, и рука сама потянулась к сумочке доставать карту, а ноги понесли к кассе.

Квартира встречает меня темнотой и тишиной. Странно, но Геры еще не дома. Но так даже лучше. Успею принять душ, нанести крем, запах которого ему так нравится. Прохожу в ванную, беру пакет с покупками с собой. Неторопливо принимаю душ, нежась под теплыми струями, наношу увлажняющий крем, от которого кожа становится приятной на ощупь, бархатистой. Снимаю ценники, надеваю белье. Привожу волосы в порядок, расчесываю и придаю пальцами небольшие волны, они красиво ложатся, чуть прикрывая грудь и дразня.

Слышится громкий хлопок двери, я быстро ныряю в туфли и накидываю тонкий халатик.

– Что так поздно? Вы вышли из ресторана два часа назад? – прилетает вопрос, стоит мне зайти в гостиную.

Герман сидит ко мне спиной на краю журнального стола. Он скидывает пиджак прямо под ноги и, наступив на пятку,

снимает обувь. У него не выходит с первого раза и со второго, ругаясь, наклоняется, помогает себе руками.

– Мы гуляли по торговому центру, – я все еще надеюсь, что вечер не испорчен. – Танюша весь вечер пила за твое здоровье и просила передать спасибо.

– Теперь понятно, кто выжрал три бутылки шампанского, – в голосе слышится злость.

– Гер, все хорошо? – я в первый раз вижу его настолько раздраженным. – Хочешь, я заварю тебе чай?

Он продолжает молча растирать лицо руками. Но стоит мне сделать шаг по каменному полу, как мужчина резко оборачивается и поднимается.

– Что на тебе?

– Твой подарок, – я стараюсь идти плавно, раскачивая бедрами.

Сильные пальцы ловко справляются с пояском. Герман распахивает полы халата и долго рассматривает, но во взгляде не читается восхищение или желание, и я инстинктивно прикрываюсь руками.

– Дай угадаю. Танюша посоветовала этот шлюхастый наряд, – он не спрашивает, а утверждает.

– Я думала, тебе понравится.

– А что мне должно здесь понравиться? Женя, ты похожа на проститутку. Хотя чего еще следовало ожидать от твоих подруг? Одна – разведенка. Вторая настолько наивна, что ее можно принять за идиотку, и предводительница этого трио

– шалашовка Таня.

Он и раньше не очень лестно отзывался о моих подругах, но сегодня в первый раз позволил себе подобные выражения. Но слова не идут ни в какое сравнение с его выражением лица. Презрение, помноженное на пренебрежение.

– Они мои подруги, Гер. Я не позволю говорить про них в подобном тоне.

– После свадьбы тебе придется свести ваше общение на нет, – сообщает в он ультимативной форме.

– И не подумаю. Тебе не нравилась моя работа – я ушла. Потому что ты так хотел. Тебе не нравится моя мама...

– Против матери я не имею ничего против.

– Хоть на этом спасибо, – огрызаюсь я, а сама снимаю туфли. Сюрприз явно удался.

– Не дерзи, – он подходит ко мне вплотную, склонившись, шепчет в губы: – Если бы я хотел проститутку, то просто вызвал. Поэтому сними это уродство и, будь добра, выбрось. Туфли можешь оставить.

– Ты пил?

Запах алкоголя удивляет больше произнесенных слов.

Герман поднимает с пола недопитую бутылку виски и, демонстративно делая большой глоток, полощет жидкостью рот и шумно глотает.

– Я пойду спать, – произношу я.

Продолжать разговор я не вижу смысла. Делиться происходящим в его жизни Герман не хочет, а выслушивать пья-

ные слова, за которые, скорее всего, он завтра будет извиняться, желания нет.

– Пока не выбросишь, спать не пойдешь.

– Отпусти, мне больно, – чувствую сильные пальцы на своем предплечье.

– Женя, – он цедит сквозь зубы. Пары алкоголя обдают мое лицо.

– Гер, ты пьян, завтра тебе будет стыдно за свои действия, – я пытаюсь достучаться до сознания мужчины. – Не знаю, что у тебя случилось, но ты не имеешь права со мной так обращаться.

Звон в ушах – это первое, что ощущаю. Кровь моментально отливает от лица и начинает пульсировать где-то под желудком. Инстинктивно прижимаю ладонь к щеке и, отступив к стене, не свожу взгляда с Геры.

Его ладонь замирает в воздухе у моего лица. Герман растерян не меньше моего, глаза бегают по моему лицу и постоянно останавливаются на месте удара. Не сильного по мужским меркам, но ощутимого для женщины. Остатки злобы сползают с его лица, на губах появляется извиняющаяся улыбка.

– Прости, родная. Прости. Сегодня ужасный день, конечно, ты не виновата. Но пойми, у меня сорвалась крупная сделка, и без Арисова здесь не обошлось, – он называет фамилию главного конкурента.

Я слушаю его сбивчивую речь и до сих пор не могу прийти в себя. Любимый мужчина действительно меня ударил. В

голове нарастает пульсация, мне хочется закричать на него в ответ и высказать, что он не смеет меня и пальцем трогать. Моя мама за всю жизнь даже не замахнулась на меня, максимум, что она могла себе позволить – повысить тон. Но вместо этого слезы предательски собираются в уголках глаз. Разворачиваюсь и молча иду в спальню, на ходу снимая туфли. Герман остается в гостиной, слышу глухие ругательства, не на меня. Он ругает себя, но почему-то мне не становится от этого легче. Белье я действительно выкидываю, как и туфли. Не думаю, что смогу носить их. Возможно, это минутный порыв.

Я смываю тушь и чищу зубы, за вечерними процедурами посещает мысль, что нужно уходить. Но сердце ищет оправдание Герману. Всегда внимательный и заботливый, его словно подменили. Я все же снимаю покрывало с кровати, аккуратно сворачиваю в ногах и ложусь, на дисплее телефона высвечивается 22:02 и несколько смс от подруги.

21:30 Танюша.

«Ну как, Герман оценил? Наверное, весь пол залил слюнями. Смотрите не поскользнитесь в порыве страсти».

21:47

«Ну раз молчишь, точно все супер!»

Слышу шаги, выключаю ночник и прячу телефон под подушку.

Герман застывает в дверном проеме, я чувствую спиной его взгляд.

– Женя, – шепчет и делает несколько шагов вглубь.

Присаживается на край кровати рядом со мной, а я не открываю глаза и надеюсь, он поверит, что я сплю. Пальцы касаются щеки, кажется, она горит огнем от удара, но я знаю, что это не так. Нет и покраснения, скорее всего, это обида жжет.

Наконец он поднимается и уходит в ванную, а я могу сделать полноценный вдох.

Смаргивая слезы, отправляю смс:

«Все супер, спасибо».

Глава 3. Женя

Ноздри щекочет аромат свежесваренного кофе и выпечки. Губы сами собой расплываются в улыбке, а живот предательски урчит, предвкушая вкусный завтрак.

Все же мне повезло с мужчиной.

– Доброе утро, родная, – мимолетный поцелуй в губы, – завтракай, и мы едем к твоей маме. Она нас давно звала в гости, а сегодня просто отличный день, чтобы повидаться.

События вчерашнего вечера бесцеремонно врываются в утро, и происходящее медленно теряет краски радости. Герман продолжает рассказывать, что он запланировал на субботу, не обращая внимания на мой растерянный вид. Не знаю, как вести себя дальше. Сделать вид, что ничего не было, не получится, я прекрасно помню, а вот Герман, кажется, забыл.

– Нам еще нужно заехать за цветами и вкусностями.

Он стоит в изножье кровати, улыбаясь, смотрит на меня. На его лице нет и следа от похмелья, а ведь он выпил целую бутылку виски.

– Выспалась? Почти полдень.

Я согласно киваю. Мне не удалось уснуть сразу же, слышала, как Герман принял душ, надел футболку и лег в кровать. Под его тяжестью промялся матрас. Герман обнял меня, притягивая к себе, а я подождала, когда его дыхание вы-

ровняется, и освободилась от объятий.

– Гер, нам нужно поговорить.

Кофе и булочки с корицей остаются нетронутыми.

– Родная, давай не будем вспоминать. Мне безумно стыдно, я чувствую себя ничтожеством, что выместил свои неудачи на тебе. Прости! Ты такая добрая и нежная, а я... надеюсь, ты сможешь меня простить со временем, – в глазах ни капли вчерашней злобы или пренебрежения, он вновь лучится любовью и заботой. – Этого никогда не повторится, обещаю, – протягивает руку и не сводит с меня взгляда. – На сборы всего час. Давай не будем заставлять твою маму ждать, – он уже в который раз называет маму не по имени-отчеству, это должно радовать, но я испытываю чувство, словно меня обманывают. – Беги в душ, а я сварю еще один кофе. Вижу, у тебя еще не проснулся аппетит.

Я, игнорируя протянутую ладонь, поднимаюсь и иду в сторону ванной. Мусорная корзина пуста, и нет никакого намека, что я вчера разочаровалась в своем мужчине. Привожу себя в порядок и не понимаю, почему слушаю Германа. Он включил максимум своего обаяния, светится широкой улыбкой, постоянно интересуется, удобно ли мне и не дует ли на меня холодной струей воздуха кондиционер в машине.

Мы вместе идем в магазин, он берет меня за руку и ведет по рядам, сам набирает полную корзину самых дорогих продуктов, отмечаю, что он действительно помнит о вкусах моей мамы. Через двадцать минут мы выходим на улицу, Гер-

ман несет пакеты с продуктами, а я – огромный букет желтых роз.

– Ты почему еще не выбрала платье? До свадьбы осталось полтора месяца, – интересуется, не отвлекаясь от дороги.

– Не нашла подходящее, – а сама думаю о том, что, возможно, этой свадьбе лучше и не состояться.

– Может, оно и к лучшему. Как раз сегодня отвезу вас с мамой в салон. Там вам подберут платье, договорились?

Автомобиль останавливается на светофоре, и Герман выжидающе на меня смотрит с черной тоской в глазах, мне ничего не остается, как согласиться.

– Хорошо.

Мужское лицо вновь светится, и ладонь ложится на мое бедро, чуть сжимая и поднимая подол сарафана.

– Не надо, Гер, люди смотрят, – указываю подбородком на троллейбус, стоящий на соседней полосе.

– Ты права. А я давно говорил, что нужно затонировать лобовое стекло.

Я рада, что рука возвращается на руль и Герман замолкает, сосредоточившись на дороге.

Мы поднимаемся по узкой лестнице подъезда, я слышу щелчок открываемой двери – мама увидела нас в окно. Она искренне рада нашей встрече, торопливо накрывает на стол, разливает чай, достает из духовки пироги, мясной и с вишней, мои любимые. Мама весело рассказывает о последних новостях с работы, Герман активно поддерживает разговор,

обещает помочь с покосившимся на даче забором, а меня все не покидает мысль неправильности происходящего.

– Женечка, давай еще кусочек.

Мамина рука тянется к вишневому пирогу.

– Не стоит, Мария Витальевна, ей сегодня еще выбирать свадебное платье, – Герман с улыбкой смотрит в глаза и слегка сжимает мою ладонь, накрывая своей.

– Тем более ешь, нельзя выбирать платье на голодный желудок. Бедные невесты в погоне за красотой не едят и не пьют весь день, какое может быть удовольствие от самого главного дня в жизни?

– Самый главный день в жизни – рождение нашего первенца, а свадьба – это так, мишура, больше для гостей. Да, родная? – я вновь соглашаюсь со словами, а сама чувствую, что меня загоняют в угол. Герман мастерски манипулирует чувствами моей мамы и моими тоже. Он прекрасно знает, как я хочу ребенка. – Собирайтесь, Мария Витальевна. Вы сможете сделать выбор Жене и себе что-нибудь подберете на торжество.

Мама начинает активно убирать со стола и обещать, что не заставит нас долго ждать.

Герман продолжает источать обаяние и в салоне. Отводит в сторону девушку-консультанта, быстро объясняет, что нужно, и, к моей радости, прощается с нами:

– Думаю, вы здесь справитесь и без меня. Вернусь через два часа, если освободитесь раньше, подождите вон в том

кафе, – указывает в окно через дорогу.

– Два часа даже мало, поверьте. Невесты у нас проводят по восемь часов и никак не могут определиться, – отточенным движением руки девушка демонстрирует многочисленные стеллажи и вешала.

Герман игнорирует ее высказывание и обращается ко мне:

– Дождитесь, хорошо? Если я смогу освободиться раньше, сразу приеду, – его губы прижимаются к моим. За спиной слышу мамин счастливый вздох и очередное щебетание консультанта. – Скоро буду.

– Какой замечательный у вас жених. Меня зовут Марина, – я слушаю голос, а сама провожаю мужскую спину. Вижу, как Герман садится в автомобиль и трогается с места.

– Извините, Марина, вы не могли бы нас оставить наедине ненадолго?

– Конечно. Я пока подберу вам несколько вариантов. У вас же сорок четвертый размер?

– Все зависит от модели, иногда покупаю сорок шестой, – зачем-то поясняя, а сама беру маму за руку и отвожу ее к стеклянной витрине, подальше от Марины, которая, кажется, не прочь послушать нашу беседу.

Я останавливаюсь между манекенами и делаю вид, что заинтересована вышивкой. Как же тяжело начать разговор. Не могу же прямо сказать о том, что идеальный жених вчера ударил меня по лицу.

– Женечка, что случилось?

Маму не обмануть, она взволнована и понимает, что дело вовсе не в фасоне платья.

– Мамуль, а вы с папой ссорились? – решаю начать изда- лека.

– Конечно, это нормально для любой пары. Вы поругались с Германом?

– Нет, – отмахиваюсь я, а сама продолжаю обводить паль- чиком жемчужины. – Он сорвался на мне. Наговорил грубо- стей, – не смогла признаться в том, что получила пощечину. Испытывала нестерпимый стыд.

– Ну, это жизнь, доченька. К сожалению, мы срываемся на близких, ведь не можем позволить себе сделать это на чужом человеке. Конечно, это плохо, нужно быть сдержанным и всегда думать о том, как твой любимый отреагирует. У Гер- мана что-то случилось?

Я поглядываю на Марину. Она перекидывает через стойку один чехол за другим.

– Да, сказал, сорвалась крупная сделка.

– Тем более, Женечка. Твой мужчина несет ответствен- ность перед своими сотрудниками. Конечно, он был расстро- ен.

– Но его слова были очень грубыми.

В душе начинает зарождаться сомнение, возможно, не нужно было так резко реагировать, тем более Гера был нетрезв. Разве можно ожидать от выпившего человека адек- ватных слов и поступков?

– Но ты же видишь, что он раскисает. Провел со мной два часа, обещал помочь на даче, – смеется мама. – Я все прекрасно понимаю, никакой мужчина не будет долго терпеть свою тещу, даже будущую. Он ел пироги, – мамины слова вызывают у меня улыбку, действительно, Гера не любит мучное и всегда тактично отказывается. – Старается сделать все, чтобы ты его простила. Мужчина должен признавать свои ошибки. Это и делает его настоящим мужчиной.

– Наверное, ты права.

Марина подтверждает мои догадки, и стоит мне произнести последние слова, как она возникает из ниоткуда:

– Я подобрала шикарные варианты. С вашей фигурой и ростом платья прекрасно сядут, а аксессуары дополнят образ. – Мама вздрагивает от неожиданности, и мы смеемся. – Проходите, первое платье висит в примерочной. Я вам обязательно помогу с застежкой.

Девушка все время что-то рассказывает не замолкая. Сквозь мысли я слышу имена модельеров, названия использованных материалов, количество кристаллов и настоящего жемчуга, длину серебряных нитей, которыми расшит лиф.

Примеряя платье, я теряю счет времени и начинаю получать удовольствие. Какая девочка будет против великолепных платьев от известных модельеров? Даже корсет не кажется мне ужасным, стоит увидеть свое отражение в зеркале, ради такой красоты можно и потерпеть один день без угощений. Талия становится тонкая-тонкая, я провожу несколько

раз руками вдоль и делаю оборот вокруг себя, фалды легкой юбки приподнимаются в воздух, а я, кажется, в первый раз за последние сутки искренне улыбаюсь своему отражению.

– Слишком открытое, – слышу мужской голос, заменивший постоянное «чириканье» консультанта. – Примерь вот это, – Герман указывает пальцем на манекен, рядом с которым мы с мамой шептались. – Я помогу расстегнуть пуговицы, – проходит в кабинку и закрывает шторку.

– Не нужно, Гер. Здесь моя мама.

– Я только помогу.

Мужские пальцы справляются быстрее, чем я могла подумать. На моем обнаженном плече остается легкий поцелуй, и Герман выходит, оставляя меня одну. Слышу голоса, мама помогает Марине снять платье с манекена, и через несколько минут мне застегивают молнию на спине.

– К нему идет прекрасная шляпка, сейчас принесу.

Девушка торопливо убегает.

– Мы его берем, – кричит Герман вдогонку. – Женя, ты прекрасна. Мария Витальевна не даст мне соврать.

Мама стоит за моей спиной и наблюдает.

– Сколько мы ни мерили, это самое красивое. И здесь, – показывает она в район груди, – все прекрасно держит.

– Ой, – спохватывается Марина, – а как же примета? Жениху нельзя видеть невесту в свадебном платье до свадьбы. Все, выходите-выходите, – тактично берет под локоть Германа и выводит.

– Я не суеверный, – в тоне Германа слышится недовольство.

Читая сомнения в моих глазах, мама подходит ближе и говорит практически шепотом:

– Женечка, он даст тебе будущее.

Глава 4. Лео

На столе разрывается мобильник, но я упорно его игнорирую. Бросаю мимолетный взгляд на дисплей и медленно прикрываю глаза, втягивая воздух через ноздри. Разве многого прошу? Всего лишь один день без происшествий.

Один! Чертов! День!

Но Арнар никогда не звонит просто так, не интересуется моими делами или тем, что я желаю на ужин.

И ответить все равно придется – я принимаю звонок и нехотя подношу смартфон к уху.

– Да, – а сам надеюсь на то, что Ар случайно набрал мой номер, неудачно сунув смартфон в задний карман джинсов, к примеру. Но моим надеждам не суждено сбыться.

– Ты мне срочно нужен, – голос не взволнованный, а больше раздраженный. Это дарит мне надежду на то, что ничего серьезного не случилось.

– У меня собрание через тридцать минут, – отвечаю, своряясь с часами.

– Лео, я серьезно. Тебя вызывают в школу. Я сам пытался утрясти ситуацию, но директору подавай опекуна. Для Филиппова по бумажкам я никто.

После рождения Ника я должен был уйти в тень, мои пятнадцать лет в мире людей как раз подходили к концу, и вместо меня к управлению транспортной компанией и представ-

лениям интересов нашей семьи готовился Арнар. Но... сложилось как сложилось. Он встретил свою пару, скорое рождение волчонка – и мне ничего не оставалось, как пообещать до оборота Ника остаться на своем месте. Я являюсь официальным опекуном племянника, и все проблемы с людьми, а в данном случае с представителями администрации школы решаю тоже я. А племянник, как любой оборотень-подросток, эмоционален и вспыльчив. Арнар же принимает непосредственное участие в жизни сына, являясь его наставником, стараясь при этом как можно меньше контактировать с внешним миром.

Я запускаю пальцы в отросшие волосы и закапываюсь, почесывая голову. Напрочь забываю об Аре, ожидающем ответа, вытягивая пряди и кося взгляд на темные волосы. Когда уже смогу постричься? Смотрю в нечеткое отражение выключенного монитора компьютера, провожу ладонью по бороде. Вот она бесит больше всего. Неухоженная, густая, от которой кожа на подбородке невозможно чешется и каждую минуту хочется побриться. Я похож на заросшего бомжа, только в дорогих и чистых шмотках.

– Лео.

Поднимаюсь из-за стола.

– Что в этот раз?

– Говорят, избил девочку.

– Ну-ну, – мычу в трубку, понимая, что чистой воды брехня. Ник не мог этого сделать. Первое правило, которое

вдалбливают в голову любого волка: не применять силу к людям, а тем более к женщинам.

– Этот жирный козел даже ничего не стал мне объяснять, – Ар говорит о директоре школы, которому я лично к первому сентября дарил ноутбук последней модели. А сегодня только третье...

– Скоро буду.

Сбрасываю вызов и останавливаюсь у зеркальной поверхности двери, ведущей в отдельную комнату, где есть душ, туалет, а главное – несколько комплектов сменной одежды. Сам себя не узнаю в отражении. Что осталось от меня за последние пятнадцать лет, так это фигура, хотя, возможно, еще раздался в плечах. Вместо аккуратной стрижки и короткой бородки – всклокоченные волосы, прикрывающие уши. Они выются, придавая небрежный вид. И окладистая борода.

На что только не пойдешь, чтобы прибавить себе десяток лет.

Криво себе улыбаюсь. М-да, видок такой, что самому страшно. Хоть сейчас хватай первую попавшуюся дворнягу с территории и смело топи с невнятными криками.

– Му-Му. Все, Герасим, погнали, – передразнил отражение и выключил свет в кабинете. – Меня сегодня не будет, – сообщаю помощнику, – перенеси совещание на завтрашнее утро.

– В девять? – интересуется Павел. Последние несколько лет нанимаю исключительно мужчин – женщины откровен-

но выбешивают.

– Да, – я надеваю солнцезащитные очки и выхожу в длинный коридор. Вдоль всего помещения окна в пол, и меня слепит обеденное солнце.

До школы сорок минут езды, которые я старательно трачу на самовнушение.

– Я спокоен. Я спокоен, – повторяю с десятков раз. Не помогает. Включаю музыку, играет гитара, вслушиваюсь в переливы струн. – Да, определенно подходит, – с силой давлю на клаксон. Какой-то идиот решает проскочить передо мной, подрезая. – Вот из-за таких дебилов, как ты, – ругаюсь, понимая, что меня не слышат, продолжаю: – Все спокойствие к чертям собачьим летит!

Аж полегчало.

Вот, нужно почаще орать, действительно помогает. Выключаю музыку и паркуюсь напротив входа в школу.

Не успеваю взять документы и телефон, с водительской стороны возникает охранник пенсионного возраста с бордово-синим лицом и серьезным выражением. Судя по во-ни, исходящей от него, солнцезащитными очками прикрыл нетрезвые глаза.

– Здесь нельзя парковаться, – сказано в спину, пока я собираю вещи с пассажирского сиденья.

Я разворачиваюсь лицом, спрыгиваю с подножки авто и выпрямляюсь во весь рост, нависая над высушенным Рэмбо.

Мужичок оценивает мои габариты и заросшую рожу, впе-

чатляется, отступая. И перекидывает свое внимание на мелких лет десяти, которые бегают по клумбе с цветами.

Захожу внутрь трехэтажного здания, Ник не встречает на первом этаже, что даже странно. Прямой наводкой иду к кабинету директора, раздается оглушающий звонок, распахиваются двери, и начинается сущий ад. Десятки мелких крикливых детей чуть не сбивают меня с ног. Пока дохожу до нужного кабинета, около которого дети притормаживали и не драли глотки, по сравнению с другими углами школы, зверею окончательно.

На удивление, но волк, в отличие от меня, спокоен, он не обращает внимания на детенышей, не принимая их ни за угрозу, ни за раздражитель.

В приемной меня встречает женщина немного за сорок с внешностью вяленой воблы, да и запах примерно тот же.

– День добрый. Рокотов, – представляюсь, прислушиваясь к происходящему в кабинете. А за тонкой шпоновой дверью Филиппов прессует Ника, угрожая отчислением.

– Вам придется подождать, – произносит она чуть гнусавым голосом. – Сергей Аркадьевич сейчас занят, – поправляет тонкую оправу очков стервозным жестом костлявого пальца.

– Вряд ли, – я дергаю металлическую ручку на себя. Заперто. А вот это уже интересно. Один мощный удар ладонью по полотну, «вобла» вздрагивает и пытается возмутиться, но слова застревают у нее в горле под моим тяжелым взглядом.

А в кабине наблюдается еще большее оживление, слышны четкие шаги и ворчание:

– Малолетние уроды.

Директор распахивает дверь. Надо отдать ему должное, он быстро приходит в себя, и вместо злобного выражения, предназначенного кому-то из учеников, на лице появляется маска спокойствия.

– Ах, это вы. Добрый день, – отступает внутрь, пропуская. – А я как раз разговаривал с вашим... э-э-э, с вашим, – тщательно подбирает слово, прекрасно зная, что Ник мне не сын.

Парень стоит напротив стола, на лице красноватые пятна, рвано дышит. Все, нужно прекращать балаган. Все признаки скорого оборота. Сентябрь доучится – и на домашнее обучение, от греха подальше.

– Племянником, – помогаю Филиппову.

– Племянником, – повторяет за мной и продолжает, я останавливаюсь рядом с Ником, отказываясь присесть. – К сожалению, ваш племянник... – мужчина опять испытывает замешательство, вспоминая мое имя-отчество.

– Господин Рокотов.

Филиппов кривится, но все же обращается ко мне, как я просил:

– Господин Рокотов, ваш племянник нарушил устав школы.

– Я ничего не нарушал! – вспыхивает Ник.

– Молчи, – обрываю. – Продолжайте.

Мужик вальяжно развалился в кресле, и ему явно неудобно. Приходится задирать голову, чтобы встретиться со мной взглядом.

– Он избил девочку.

Чувствую, как от Ника исходит волна раздражения на грани с гневом.

– Очень громкое заявление, Сергей Аркадьевич, вам не кажется?

– Нет, – отвечает мне уверенно, а мой зверь рычит, чувствуя ложь.

– Это правда? – интересуюсь у племянника.

– Нет!

Глаза парня вспыхивают желтоватым, определенно, это его последний день в школе. Протягиваю ключи от машины и указываю на выход:

– Музыка громко не включай.

– И это все ваше воспитание?

– Воспитывать я буду после того, как разберусь в ситуации и узнаю все подробности. А где родители «избитой» девочки? Как можно с ними встретиться и переговорить? И хотелось бы увидеть ее саму.

– Лизочка сейчас в медкабинете, ей обрабатывают рану, – с прискорбным лицом отвечает на вопрос.

– Лизочка?

– Да, Лизочка, моя дочь.

Час от часу не легче. Дочь директора...

Меня отводят в медпункт. Как и предполагалось, никаких травм я не вижу и не чувствую запаха крови, но голову девчужке забинтовали, как участнику активных боевых действий.

– Ну, что будем делать? – директор смотрит на меня выжидающе, закрывая за нами дверь медпункта.

– А что делать? Сейчас отвезем девочку в больницу, пусть оказывают первую помощь, я лично все оплачу, если это понадобится. А вы переведете племянника на домашнее обучение. Он больше не будет вас доставать, появится только на экзамены и позже получить аттестат, – выдаю, хорошо все продумав. Судя по выражению лица, такой расклад не устраивает.

– Вы же понимаете, что наша школа – пятая за последний год и вряд ли вы сможете попасть в более-менее приличное заведение, если Никиту отчислят и у нас.

Точно жирный козел, как брат и сказал.

– А вы забываетесь, что моего племянника переводили и ни разу не исключали. И я всегда смогу оправдаться переездами. – Филиппов поджимает полные губы. – Давайте договоримся: моя фирма обновит спортивный инвентарь, и Ник учится дома.

В светлых, практически блеклых глазах блеснула жадность.

– Господин Рокотов, – тон, с каким обращается ко мне ди-

ректор, подразумевает торг. – Я надеялся, что в этом году в спортзале появится нормальная вентиляция, сами понимаете, дети дышат пылью и потом, – сокрушенно качает головой и с наигранной грустью смотрит мне в глаза, высоко задрав подбородок.

М-да, аппетит волчий. Одно дело – купить с десятков мячей, и совсем другое – оплатить полный ремонт.

– Пусть не дышат пылью. Санитарные нормы еще никто не отменял. Тряпка, швабра, ведро, вода, – перечисляю, а сам иду по направлению к выходу, – плюс тетя Дуся прекрасно справляется с пылью.

– Значит, мы прощаемся с вашим племянником?

– Нет, это значит, что мы сейчас вызываем скорую и едем в больницу. А там квалифицированные специалисты, а не ваши, что йод от зеленки вряд ли отличают, обследуют, снимут побои и поставят диагноз, – улыбаюсь широко-широко, демонстрируя крупные зубы, и кручу телефон в руке. – Как поступаем?

– Я пришлю вам список инвентаря, – со злобой выдыхает, отводя взгляд.

– Отлично. И не забудьте образец заявления, последний год племянник будет учиться дома. Всего хорошего.

Слышу в спину сдавленное: «Козел».

Глава 5. Лео

Стоит мне появиться на ступенях школы, Ник откладывает телефон и внимательно за мной наблюдает. Пытается понять, гаденыш, как сильно ему влетит.

Я молча завожу мотор и выезжаю с территории.

– Что еще напел дир? Опять искать новую школу? – легко спрашивает, а за наглой ухмылкой прячет испуг.

Я продолжаю многозначительно молчать, для усиления эффекта бросаю короткий хмурый взгляд и больше не отвлекаюсь от дороги.

– Да не бил я эту овцу... Лизочку, – быстро поправляется, зная, как я отношусь к оскорблению женщин. – Ее же можно соплей перебить. Я что, похож на дурака, чтобы трогать сорокакилограммовую девчонку, даже если она конченная овца?

Хлопаю ладонью по рулю, не проронив ни слова.

– Нет, ну она реально конченная, – оправдывается, не сводя с меня взгляда. – Королева школы. Они с подружками зажали какую-то малявку в сортире и втирали ей жвачку в волосы.

– И поэтому ты ее ударил? – решаю, что клиент созрел и пора поддержать разговор.

– Не бил я эту...

– Овцу, – хмыкаю я.

– Именно, – племянник оживает, улавливая в моих словах насмешку. – Зашел в туалет и вывел девчонку, а Филиппова сама на меня кинулась. Я лишь отошел в сторону.

– И сама нанесла себе травмы? – я уже откровенно смеюсь, вспоминая с усердием замотанную голову девчонки.

– Да упала эта Лизочка. Поскользнулась на кафеле и максимум, что она могла себе повредить, это жо... локти.

– А с малявкой что?

– Ничего, сделает короткую стрижку. Реально волосы испоганили. Отец знает?

– Знает, он мне и позвонил.

– Хре... плохо, а мама?

Я пожимаю неопределенно плечами в ответ. А я действительно не знаю, сказал Ар Лиле или нет.

– Не говори матери, – Ник чуть не скулит и строит жалобное лицо. Бездомные псы на свалке и то жизнерадостнее выглядят.

– Не скажу, но при одном условии.

– Каком? – племянник с надеждой вслушивается в каждое сказанное мной слово.

– После оборота все выходные и лето ты работаешь на складе. Отрабатываешь расходы.

Недовольное мычание вынуждает меня вскинуть брови и повернуть голову.

– Отработаю, – соглашается он, понуро повесив плечи.

– Никто и не сомневался. Как зверь? Кстати, ты теперь на

домашнем обучении.

Договорить дальнейшие условия не удастся, телефонный звонок вновь путает мои планы. Ника отвожу домой, дальше с ним разберется отец. А сам стартую за сто семьдесят километров, там, где нашли машину пропавшей волчицы.

А вот в этот раз реальная проблема, проблема всего клана, а не очередная шалость племянника. Девчонку Суворовых, пропавшую три дня назад, нашли мертвой.

Ребята из соседней стаи случайно обнаружили машину, брошенную в лесу, а в ней тело молодой волчицы. Девчонка – ровесница Мита, ей бы еще жить и жить.

В первый раз за день я вспоминаю о кофейных зернах, припрятанных в подлокотнике. Набираю горсть и закидываю по одному в рот, с хрустом разжевывая. Мой наркотик – кофе и горький шоколад, такой, чтобы сводило скулы и на языке оставалась терпкая горчинка. Иногда стараюсь себя ограничивать хотя бы в кофейных зернах, но проходит неделя, месяц – и я вновь на них подсаживаюсь. Однажды собрал всю волю в кулак и выбросил свои запасы. Как оказалось, подобные меры безуспешны. Что стоит заехать в ближайший магазин? Да и аромат кофе помогает избавляться от посторонних запахов, временами слишком навязчивых.

Съезжаю с асфальтированной дороги на проселочную, изредка поглядывая в навигатор – Илья предусмотрительно скинул координаты.

Коваль Илья – моя правая рука, тот, кому можно доверять

свою жизнь и жизнь своей семьи. Он помогал в поисках Лилии и был плечом к плечу в битве со Светлыми вампирами.

Я оставляю машину у начала лесополосы с редкими вязами, за которой скошенное поле.

Слышны голоса, в нос бьет запах чужих оборотней и разлагающегося тела, что неудивительно: девочка пролежала на жаре трое суток.

Зверь внутри меня нервничает, он чувствует смерть – смерть члена своей стаи.

Закидываю с десяток зерен и тщательно разжевываю. Горькую кашицу не глотаю, а оставляю во рту, периодически посасываю.

– Ты быстро.

Илья жмет мне руку, я заглядываю ему за спину, туда, где на водительском сиденье, упершись лбом и свесив руки по бокам, находится мертвая Ирма.

Присаживаясь у открытой водительской двери, я бегло осматриваю лицо, руки. Видимых повреждений нет. Не нахожу ни следов удара при столкновении, ни гематом. Что удивительно, ведь капот красного седана практически всмятку, собран гармошкой к лобовому стеклу. Складывается впечатление, что было столкновение на большой скорости, но явно не тут и явно без Ирмы. Регенерация помогла бы не только избавиться от внешних повреждений, но и от внутренних, а значит, девочка должна быть жива. Неужели кто-то приволок машину с места аварии сюда? И зачем?

Хочу вычленить запахи, но нос забивают десятки чужих навязчивых ароматов.

– Здесь что, парад был? – я обращаюсь к Илье. – Ты не мог проследить, чтобы никто не топтался?

– Когда я приехал, было то же самое, – оправдывается, поглядывая на двух молодых оборотней, нашедших машину Ирмы.

Это очень странно, вряд ли кто-то приведет к месту аварии экскурсию.

– Не подпускай больше никого.

Я возвращаюсь к машине, быстро скидываю рубашку и брюки, забрасываю на водительское сиденье.

Трясу с силой головой, боль растекается по всему телу, трансформируя. К ней не привыкнуть, но с каждым разом оборот проходит быстрее, в тебя словно попадает молния, и ты уже не слышишь треск костей и мерзкий звук рвущейся плоти, а падаешь на землю волком.

Еще раз обхожу вокруг автомобиля, улавливая запахи, недоступные в человеческом облике. К запаху бензина, въедливой горьковатой вони стертых шин, от которого отфыркиваешься, но тот плотно садится на слизистых, к смраду разлагающегося тела прибавляется настойчивый душок страха, исходящий от молодых волков. Парни жмутся к стволу дерева, бросая взгляды на меня и не смея заговорить между собой даже шепотом, я чувствую, как их волки скулят, признавая силу.

– Иван приехал, – поясняет Илья, когда я поворачиваю голову на звук подъезжающего авто.

А вот и альфа соседнего клана. Зачем только притащил с собой девчонку?

Иван придерживает за плечи молодую волчицу, только недавно пережившую первый оборот. Девочка нервно осматривается, морщит носик, машет рукой парням и все же задерживается взглядом на машине.

– Зачем ты притащил сюда ребенка? – интересуюсь, перекидываясь в человеческое обличье.

– Хочу показать, что случается с волчицами, которые не слушают своих родителей. – Девочка не отрывает взгляда от ярких кед. Когда Иван отворачивается, стреляет взглядом в мою сторону. – Лео, оденься, это моя дочь. – Щеки девчонки вспыхивают.

Я возвращаюсь полностью одетый и наблюдаю картину: Иван подводит к машине дочь, оставляет ее буквально в шаге от открытой водительской двери, а сам осматривается, шумно втягивая воздух.

Девчонку откровенно потряхивает. Волна дрожи проходит по хрупкому телу, девчонка замирает на мгновение, стараясь расслабиться, и снова трясется. Дышит неглубоко – ртом, чтобы не ощущать неприятный запах.

М-да, то еще воспитание, надо будет запомнить и никогда так не делать, если появятся собственные дети.

– Рассказывайте, – Иван обращается к парням, вросшим

спинами в ствол дерева. Вынести ауру двух альф одновременно дано исключительно сильным оборотням.

– Пусть ребенок сядет в машину. Дружеский совет, – поясняю я, ощущая закипающую злость Ивана.

– В машину, – отсылает он жестом дочь.

Илья стоит рядом с парнями, нетерпеливо пинает носком ботинка ближайшего:

– Хватит пялиться, – они провожают взглядом молодую волчицу. – Рассказывайте. Как нашли?

– Почему здесь столько посторонних запахов? – я добавляю вопрос, согласно кивая.

Парни бросают опасливые взгляды, один толкает второго локтем, помогая решиться открыть рот.

– Рассказываем! – оба вздрагивают при громком окрике их альфы. – Вы снова сюда бегаете?

Тот, что повыше, долговязый, еще нескладный и угловатый, наконец-то говорит:

– Да, мы прибежали вчера... а тут вот, – указывает рукой.

– Как вчера, Стас? – вспыхивает Иван. – Почему не сообщили сразу?

– Мы испугались. Ведь вы могли подумать на нас.

И обвинить ребят не в чем, логика в их словах есть. Убийство себе подобного – тяжелое преступление.

– Да вы уничтожили любые следы, а они были. Дураку же понятно, что волчица погибла не здесь, – Иван нервно подергивает плечами, сверля взглядом парней.

– Ты прав, – я нервно почесываю подбородок. Чертова борода! – Этого уже не изменить. Рассказывайте от и до. Сколько вас было? Кто увидел первым? Что трогали?

– Да мы как обычно. Я, Дэн, – указывает подбородком на друга, – еще Мира, Быстрый, то есть Алексей, его подружка, да и все.

– Что-то не сходится, – говорю, внимательно следя за реакцией, – еще одной девушки не хватает. Странная у вас компания: три парня и две девушки.

– Моя подруга не смогла прийти, – признается второй, поглядывая за наши спины.

– Вот, значит, как?

– Угу. Мы давно с друзьями нашли эту поляну, никто чужой нас здесь не увидит. Трасса далеко. Ничем запрещенным не занимаемся. Ну, бои устраивали. Дружеские, – быстро поправляется Денис.

– Это те, после которых пришлось ломать руку пацану Власовых и ставить ее на место? – Иван подходит к парням вплотную. – Я вас предупреждал?

– Потом разберешься со своими. Кто нашел? – перебиваю я.

– Ты рассказывай, Стас. Ты же первый и подошел к машине, – Денис перекладывает ответственность за разговор на друга, получая взамен злобный взгляд.

– Мы все подошли. Увидели девушку. Было и так понятно, что она мертва. Сердцебиения я не слышал, приблизившись

вплотную к водительской двери. То, что она волчица, понял, когда открыл дверь.

– А зачем вы полезли в машину с мертвецом? – не выдерживает Илья.

– Ну хотели найти телефон или какие-то документы. Сообщить родственникам или в полицию, – отвечает пацан.

– «Ну хотели» или действительно хотели? – хмыкает Коваль.

– Хотели, за кого вы нас принимаете? Думаете, мы совсем конченные?

Я невольно закатываю глаза, слишком часто сегодня слышу это слово.

– Дальше, – Ивану хочется побыстрее закончить разговор.

– А дальше Мира узнала волчицу, сказала, что из клана Рокотовых, – парень замолкает, глядя мне в глаза.

– И? – тороплю я.

Илья указывает на телефон, быстро шепчет:

– Константина встречу, – и бегом удаляется в сторону трассы.

– И мы испугались и убежали, – заканчивает пацан.

– При этом вытоптав все вокруг, – я раздраженно роняю и обращаюсь к Ивану: – Как можно встретиться с Мирой и остальными? Мы можем приехать к вам или, если желаете, встретимся на нейтральной территории.

– На нейтральной. Держи меня в курсе, – он хлопает меня по плечу. – Соболезную вашей утрате.

– Благодарю. Спокойно, это свои.

Иван резко оборачивается на приближение вампира, молодые же волки еле сдерживают оборот. Константин кивком приветствует и, держась на расстоянии, подходит к машине. Принимается за осмотр, аккуратно отклоняя Ирму. Остекленевшие глаза, смотрящие в никуда. На водительском сиденье словно изумительно выполненная кукла. Безжизненная, в полный человеческий рост, с небольшим кровоподтеком в уголке белесых губ, сделанным мастером с извращенной фантазией.

– Лео, мы уходим. Мои парни разнервничались. Да и Леська одна в машине, – слышу голос Платова, понимаю сказанные слова, а сам не свожу взгляда с лица девушки. Я еще не сообщил ее родителям о смерти, хотел убедиться сам, что не ошибка.

– Да, хорошо. На связи, – отвечаю я на рукопожатие, замечая раскрытую ладонь боковым зрением. – Звони в любое время суток.

Приближаюсь к Илье, вижу по глазам, что ему есть что сказать. Он молчаливо раскачивается на пятках, положив ладони в карманы. Прислушивается к удаляющемуся звуку шин по грунтовой дороге. Я же, облокотившись спиной на тот же ствол вяза, что и парни ранее, думаю, как не хочется идти в дом погибшей девочки и сообщать родителям.

– Брешут! – Илью прорывает. – Ты заметил, как один из них, тот, что ниже, смотрел на Ивана дочку? Руку даю на

отсечение, это и есть его подружка, которая якобы не смогла вчера с ним встретиться.

– Денис, – напоминаю я имя.

– Однохренственно.

– А что они говорили до приезда их альфы? Ты же успел с ними побеседовать?

– Обижаешь, – Коваль растягивается в широкой улыбке. – И по телефону успел, и уже тут. Но, – разводит руками, – все то же самое. Денис-на хрене повис повторил слово в слово. Но ты чувствовал ложь, да? – наседает.

– Стас. Сейчас с нами разговаривал Стас. И да, чувствовал, но не ложь, а больше страх, что естественно.

– Однохренственно, – повторяется Илья. – Надо прижать мальцов! – выдает идею.

– Нет. Мы будем вести себя адекватно, Коваль, – я осаждаю разгоряченного друга. – Если история связана с дочерью Платова, то при малейшем давлении он пошлет нас... ну ты понял, на твое любимое слово.

– На хрен, что ли?

– Именно туда, а может, и дальше.

Константин дает знать о своем существовании и громко хмыкает. Протирает ладони влажными салфетками, подходит к нам.

– Что скажешь? – интересуюсь я.

– Смерть наступила не тут и точно не из-за столкновения. Подробности скажу позже, если бегло: кто-то ее удерживал,

второй свернул шею. Причем удерживали ее долго, остались гематомы на предплечьях и выше. Смотрите, – пальцем припустил с плеча свободную кофту. – Делайте выводы.

– Да что тут делать, сосунки Платова заигрались, – выкрикивает Илья.

– Нелогично. Сами убили, сами приволокли в известное только им место и сами же позвонили, – говорю я.

– Все верно, – подтвердил Коваль. – Теперь к ним минимум подозрений.

– Не исключаю эту возможность, но и зацикливаться нельзя.

– Я забираю девочку? – Константин прерывает наш спор.

– Да. Когда ее родители смогут вернуть тело? – я интересуюсь.

– Утром.

Коваль остается дожидаться эвакуатора, а я возвращаюсь в город.

Въезжаю в долину. Темнота заливает все вокруг. Черные тучи плотно заволокли небо, изредка давая блеснуть тонкому месяцу. Глушу мотор, открываю подлокотник, щедро набираю зерен в ладонь. Сижу несколько секунд в тишине и не двигаясь. Решаюсь. Закидываю кофе в рот. Разговор с родителями Ирмы – и я смогу наконец смыть всю грязь сегодняшнего дня.

Глава 6. Женя

– Как тебе? – Гера стоит за спиной, придерживая на моей шее длинную цепочку с воздушным кулоном, выполненным из золотистых нитей, переплетенных в форме шара. Мужские губы оставляют на шее горячие влажные поцелуи, поднимаются к ушку. – Скажи мне спасибо, – тихий голос похож на бархат.

– Спасибо, – я веду плечом, слегка отстраняясь. – Гер, мы опоздаем на урок.

– Черт с ним. Я прямо сейчас перенесу запись.

Правой рукой он извлекает телефон из кармана брюк, а левой поднимается по ребрам и замирает на границе груди. Большой палец дразнит, касаясь.

– Не нужно переносить, – я разворачиваюсь лицом и мягко отнимаю телефон от уха. – Ты сам говорил, что до свадьбы месяц. Мы можем не успеть подготовить наш первый танец.

Любые разговоры о предстоящем торжестве делают Германа покладистым, даже мягким. Кажется, что он хочет нашей свадьбы больше, чем я. В гардеробной висят наши свадебные наряды: светло-серый костюм Германа, белоснежная рубашка, в отдельном выдвижном отделении шкафа приготовлены серебристые запонки, наручные часы, носовой платок с инициалами и пара мужских классических туфель. Со-

седнее место занимает мое восхитительное платье. Такое, о котором мечтает каждая девочка, перечитывая сказки: с расшитым жемчугом и серебристыми нитями лифом, приспущенным небольшим рукавчиком, многослойной, но не объемной юбкой и многочисленными крохотными круглыми пуговками по спине. Под чехлом с платьем жемчужные туфли на высоком каблуке с удобной колодкой. По совету мамы каждый вечер я их немного разношиваю, надевая дома. По настоянию организатора свадьбы и Геры мы записались на уроки свадебного танца. Вместе выбирали меню, ездили на дегустацию, утверждали цветы, скатерти, посуду, что будет стоять на праздничных столах. И с каждым днем я убеждаюсь в неправильности происходящего. Ощущаю себя абсолютно неправильной невестой. Мне все равно, что за начинка будет у нашего свадебного торта. Меня не интересуют прошлые работы нанятого фотографа... Я пустила приготовления к свадьбе на самотек, как, возможно, и свое будущее.

Две недели мой жених ведет себя во всех смыслах идеально. Я не могу найти малейшего повода усомниться и передумать. Каждый день Герман доказывает свое трепетное отношение, свою любовь ко мне.

– Ты права, родная. Едем, – поцелуй-прикосновение – и Милосердов выпускает меня из объятий. Телефон вновь убран в карман. – Жду в гостиной.

Я не тороплюсь, но и не тяну время, переодеваюсь в ши-

рокие брюки и блузу, складываю в сумку нашу свадебную обувь. Хочется попробовать исполнить элементы именно в ней.

– Я хотел с тобой кое-что обсудить.

Час пик, и мы едем медленно.

– Да.

– Ты не против, если наше свадебное путешествие придется отложить до новогодних праздников? Сейчас не лучший момент оставлять фирму.

– Нет, конечно, нет, – мой ответ вызывает у Геры улыбку.

– Я тебе говорил, что ты лучшая женщина на Земле? Любая другая устроила бы истерику.

– За это ты меня и любишь, – слова сами вырываются из груди, и я ощущаю себя куклой, живущей по кем-то, но не мной прописанному сценарию.

– Люблю. А ты меня за что любишь?

Мы вновь останавливаемся в пробке. И я произношу слова, которые от меня хотят услышать:

– Ты самый лучший.

– И все? – Милосердов обиженно дует губы, но уголки подрагивают в улыбке.

– Тебе этого мало?

Последняя фраза заставляет Геру нахмуриться. Секундное замешательство, я хочу подобрать нужные слова, но они не приходят на ум. А ведь должны, правда? Когда любишь, ты любишь человека полностью, со всеми его достоинствами

и недостатками, даже если последних больше.

– Нет. Твоей любви мне достаточно, – в ласковом жесте мужские пальцы гладят мою щеку.

Глава 7. Женя

По паркетному полу раздается равномерный, повторяющийся стук каблучков. Сегодня наше четвертое занятие, и мы отработываем связки между простыми движениями. Вокруг нас порхает учитель – мужчина удивительной пластики и грации. Рядом с ним хочется рыдать в голос, испытывая стыд за свое тело.

– Выше локоток, дорогая. – Пальцы мягким жестом поднимают локоть. – Герман, великолепно, – в очередной раз хвалит. И он действительно справляется лучше меня. – Еще разочек пройдемся, и на сегодня все. Отлично сегодня поработали. Вы будете блистать! – восхищается Петр. – Блистать! – повторяет с большим пафосом и театрально взмахивает кистью правой руки, изображая не то поклон, не то восхищение.

Герман светится, ему приятна похвала. Изредка, но поглядывает на отражение, находя более удобную и выгодную для нас позу.

Мы тепло прощаемся с нашим учителем, Герман договаривается о следующей встрече. А я уже спускаюсь по винтовой чугунной лестнице.

– Как ты относишься к тому, чтобы заехать поужинать? Я недавно нашел отличное место. Очень вкусная тайская кухня. Остренькая со сладостью, и на десерт можно выбрать на-

стоящие фрукты, а не то, что продают в магазинах. М-м-м? И домой купим. Ма-а-анго, – многозначительно протягивает, прижимая меня за талию. – Мы с тобой заслужили вкусный ужин.

– Ты заслужил, – отвечаю я и понимаю, что его хорошее настроение заразило и меня. – Меня сегодня Петр ни разу не похвалил.

– А ты хотела бы? – Гера смеется надо мной. – Родная, он хвалит всех, кто оплачивает его услуги. Это единственный секрет моего успеха. Хочешь, следующее занятие оплатишь ты. И я уверен, именно ты станешь любимицей Петра.

– Не скромничай, у тебя действительно отлично получается.

– Хорошо, я тебе верю. Ужин? – уточняет мужчина, закидывая наши сумки в багажник.

– Ужин, – я соглашаюсь и беру его за руку, приглушая внутренний голос, который каждый день шепчет, что я поторопилась и, кажется, абсолютно не знаю, каков мой жених без маски заботы и дружелюбия. Стараюсь, но не могу забыть тот вечер, он плотно засел в памяти. В душе живет надежда, что будущий муж будет уважать меня, а не затыкать рот очередной пощечиной.

Через пятнадцать минут, расслабленно развалившись на мягких диванах террасы ресторана, я пролистываю меню, останавливаюсь на морепродуктах и передаю Герману. Он делает заказ для нас двоих, уточняя, что я буду пить, и от-

кидывается на спинку дивана.

– Чем займемся после обеда?

– Не знаю, – я пожимаю плечами, потягивая клубничный лимонад.

– Прости, родная, мне нужно ответить, – слышен звук вибрации смартфона. – Я быстро, – Герман указывает пальцем на экран, поднимаясь с дивана. Он выходит с террасы и прогуливается вдоль улицы.

Я понимаю, что разговор долгий, подзываю официанта, объясняю, что вернусь за столик, прошу пока не подавать блюда и иду в туалет. Мне показывают на дверь в конце зала. Редко встретишь совместный санузел. Общие раковины и сушилки для рук и множество кабинок, закрытых от других посетителей, таких, что чувствуешь себя комфортно. Я не тороплюсь возвращаться: если Герман разговаривает по работе, то это не ограничивается парой минут.

Выхожу на террасу, Гера уже сидит за нашим столиком, но с телефоном еще не расстался. Вижу его напряженную спину, вену, пульсирующую на виске, и покрасневшее лицо.

Он не оборачивается на шум моих шагов и продолжает:

– Мне не нужны оправдания, – шипит сквозь зубы. – Мне нужен результат. Если мы потеряем и эту сделку, то я собственными руками сверну тебе шею. И мне за это ничего не будет. Твоя последняя прогулка будет в мусорном мешке. И ты знаешь, что я не шучу, – растирая бровь, дает возможность ответить собеседнику, выслушивает и продолжает: – А

мне плевать, что они не хотят продавать акции. Убеди. Можешь хоть руки вырвать, хоть дочурку Фадеева оприходовать.

Я испуганно оборачиваюсь, смотрю на двух девушек, сидящих от нас за три столика, но никто не обращает на нас внимания, не вслушивается в слова, сказанные Германом. Посетители заняты или друг другом, или поглощением пищи.

Я делаю несколько шагов назад, не сводя взгляда с мужской спины, и сталкиваюсь с официантом:

– Ой, простите, пожалуйста, – я помогаю поймать поднос. На мое счастье, там были лишь предметы сервировки. – Извините еще раз.

– Ничего страшного, – я получаю вежливый ответ официанта. – Вас ожидают, – он указывает подбородком на наш стол.

Поворачиваю голову и вижу Германа, он сидит вполоборота и машет мне рукой.

– Все! – со стуком откладывает телефон. – Обещаю, это последний звонок.

Смотрю на Германа: на лице нет раздражения и злости, лишь пульсирующая венка выдает его настоящее настроение. Мужские губы растягиваются в улыбке, но я больше не вижу обаяния, улыбка насквозь лживая. Насквозь.

Мы сохраняем молчание, официант расторопно расставляет блюда и меняет бокал с лимонадом.

– Спасибо, – я хрипло благодарю, а сама молю бога, чтобы официант не уходил, не оставлял меня за одним столом с этим незнакомцем.

– У меня есть предложение, – Герман наклоняется и махнит к себе пальцем. – Я подумал, что мы теряем время, – я прислушиваюсь к заговорщицкому шепоту, наблюдаю, как суетятся официанты, хостес провожает очередных гостей к соседнему столику. – Как ты относишься к тому, чтобы выходить замуж, нося под сердцем еще одного Милосердова? – когда до меня доходит смысл слов, сказанных Германом, кажется, я подпрыгиваю на мягких подушках. – Ты хочешь ребенка, я хочу. Мы и так потеряли уже полгода. Ты могла бы быть кругленькой, как вот эта вазочка. Капризничать и гонять меня по ночам за... ну не знаю, что любят беременные. Селедку? Сгущенку? Клубнику? А может, и все вместе, я даже обещаю разделять любовь к твоим странным трапезам.

– Вряд ли какая беременная женщина захочет делиться селедкой, – я скованно улыбаюсь.

– Я куплю тебе много селедки, очень много, – Милосердов смеется и, чуть склонив голову, продолжает: – Возможно, мы не будем откладывать медовый месяц. Это же хорошая новость? Ты рада?

– Конечно.

– И я рад, что смог убедить партнера приложить чуть больше усилий в работе. За тебя, любимая, – он поднимает бокал с водой.

Простой обед превращается в испытание. Поддерживая беседу, раз за разом я прогоняю в голове невольно подслушанный разговор. И как ни стараюсь, не могу найти оправдания словам. В любом контексте они звучат угрозой. Не просто слова, брошенные сгоряча, а реальные мерзкие угрозы.

Ссылаясь на головную боль, я прошу вернуться домой, оставляя еду нетронутой.

Герман обращается к официанту, указывая сложить все в контейнеры, чтобы я могла пообедать позже, и заказывает мои любимые фрукты. Я же наблюдаю и понимаю, что никогда не знала этого мужчину. Он с легкостью меняет маски не хуже самого искусного лицедея. Делает это непринужденно, будто в нем уживаются сразу два человека.

Мы переступаем порог квартиры. Я принимаю прохладный душ и ложусь в кровать, Герман приносит обезболивающую таблетку и стакан воды.

Не знаю как, но я смогла уснуть. Будят меня настойчивые мужские руки, поглаживающие спину:

– Жень, ты решила проспать до утра? – горячий шепот щекочет шею, а мужская ладонь перемещается на грудь, ощутимо сжимая. – А как же маленький Милосердов?

– Давай не сегодня, таблетка не помогла, – вру, внутренне сжимаясь от каждого прикосновения.

– Сегодня ты действительно неважно выглядишь. Может, мы уже выполнили план минимум? Когда у тебя месячные? Меня обдаёт жаром, а следом окатывает ледяной водой.

- Через три-четыре дня.
- Отлично, скоро узнаем.

Глава 8. Лео

Ничем незаменимые и такие редкие минуты свободы – это единственная радость, что мне сейчас доступна. Больше полувека возглавляю стаю, ровно с того дня, как погиб Виктор – пара моей младшей сестры – и Тая – пара Арнара.

Арнар ушел в себя, забрав тело своей истинной, очень долго не появлялся и не давал о себе знать. На мои плечи легла забота о стае и горем убитая сестра. На удивление Мит вел себя по-настоящему взросло, в один день из раздолбая превратился в ответственного человека. Никто в стае не оспаривал мое главенство и не пытался оспорить до сих пор. Арнар же выбрал подчинение, но, я уверен, сойдись мы в поединке, победа могла остаться и не за мной. Сейчас он довольствуется ролью отца и наслаждается близостью Лили. Присматривает и оберегает. И его не в чем винить. Но мне пришлось еще пятнадцать лет ждать своего законного отпуска от мира людей. Суетливого, лживого, жестокого и шумного.

Тридцать лет бок о бок с людьми сделали меня нервным и раздражительным. Я словно на карусели, которую невозможно остановить и с которой невозможно сойти.

Не знаю, когда я смогу выспаться, но сейчас мой зверь несется, петляя между соснами, утопая лапами и разметая хвойные иголки, ловит окружающие его запахи. Не то навязчивое зловоние, что в городе: раскаленный асфальт, деше-

вый пластик, бензин, забытые сливы, мусорные баки, заваленные с горой, и выхлопные газы. А настоящие, природные: травы, хоть и высохшие под летним солнцем, но дурманящие своим ароматом, и запах реки, приносимый ветром.

Перед самым носом пробегает волчица. Сбивая и дразня. Я узнаю Дару. Она заигрывает, шутливо нападая и отскакивая. Бьет лапами, покусывая за уши, вдоволь нарезвившись, падает перед зверем, прижимает голову и уши. Жалобно скулит, подчиняясь и прося. Поднимается и лижет морду.

Мгновение – и передо мной обнаженная молодая женщина. Перевернувшись на спину, она откидывается на траве:

– Что так поздно бродишь? – интересуется, а я чувствую желание, прикрытое светской болтовней.

– А ты? – я возвращаю человеческое обличье и ложусь рядом с ней, рассматривая звезды. Вокруг ни души, лишь стрекот насекомых и мягкое дуновение ветра.

– Ждала тебя, – говорит она честно. Поворачивается на бок и зарывается одной рукой в мои волосы. – Когда уже сострижешь это ужас? – тянет прядь на себя. – Я и забыла, как ты выглядишь на самом деле.

– Ты ждала меня, чтобы поболтать? – я грубо отрезаю дальнейшие разговоры.

– Прекрасно знаешь, что нет, – в женском голосе слышится обида.

Она встает, отряхивая ноги от налипшей травы, и собирается уйти. Такая откровенная манипуляция, и я на нее под-

даюсь, перехватываю женское запястье и тяну на себя.

– Сам устал без стрижки, а особенно от бороды.

– Ты удерживаешь меня, чтобы поболтать? – Дара отвечает той же монетой и старается вытянуть руку. Волчица не может скрыть довольную улыбку, а я усаживаю ее на свои бедра.

– Один-один, волчица, – произношу в ее приоткрытые губы.

– Лео, может мы пойдём к тебе? – мягкий тон меня не обманет. – Скоро будут дожди, неужели мы будем валяться в лужах? – смеется, но слова сказаны абсолютно серьезно. Она пристально смотрит в глаза, а женские пальчики гладят мои плечи.

– Мы с тобой договаривались.

Зачем портить ночь бесполезными разговорами, я не понимаю.

– Да-да. Но мы уже столько времени вместе, что не каждая человеческая семья может похвастаться таким продолжительным браком. А я ни разу не оставалась у тебя.

Давно я не слышал этого разговора.

– Ты хочешь, чтобы я признал тебя своей? Так это известно всем, на тебе мой запах. А на мне твой. – Накопленное днями раздражение возвращается ко мне. Я размыкаю объятия, снимая со своих плеч руки Дары. – Что тебе даст моя кровать?

– Это будет значить, что ты пустил меня к себе в сердце?

А я не пойму, она спрашивает или утверждает.

– Как в сердце, так и в свою кровать я пушу только одну женщину. И пока я ее не встретил.

Хочу подняться, но Дара останавливает, надавливая на плечи, усаживаясь обратно на бедра и обвивая руками за шею. Вплетая пальчики в волосы на затылке, притягивает мое лицо к своему.

– Знаю. Но мы можем не дожидаться.

Я не даю ей договорить и грубо впиваюсь в губы.

Меня тошнит от разговоров. Не хочу думать, лавировать, выбирать выражения. Хочется отпустить свои инстинкты, не оглядываясь. Пульсирует лишь одно желание: поглощать, взять, услышать громкие стоны, которые будут разноситься по поляне, окруженной соснами. Отключить полностью мозг и получить долгожданную разрядку. Сегодня я грубее с Дарой, чем обычно, но не чувствую сопротивления или протеста. Ей нужно то же, что и мне – свобода. Перехватываю под бедра и укладываю волчицу на спину, поступаю эгоистично, но все же забываю напрочь о каких-либо ласках, подтаскиваю за щиколотки к себе. Одним резким движением бедер подаюсь вперед, упираясь руками по обеим сторонам от ее головы.

– Лео, тут камни, – хнычет, бьет ладонями мне по плечам.

Пара быстрых движений – и я уже накрываю Дару своим телом, прикусывая за шею, с удовольствием проникаю в горячую плоть. Урчащий рык удовольствия вырывается сквозь

сжатые зубы. Плавные движения сменяются короткими острыми толчками, и вновь замедляюсь, дразня и растягивая удовольствие. С каждым проникновением Дара все сильнее прогибается в пояснице и прижимается к моим бедрам, срываясь на жалобные стоны. Слышу их где-то на грани сознания, жадно проникая и уже не контролируя себя. С разрядкой приходит долгожданное опустошение, и я выпускаю из захвата женские бедра, позволяя отстраниться.

– У тебя что-то случилось? – Дара рвано глотает воздух, справляясь с дыханием, чуть отползает.

– Нет. Идем провожу, – я перекидываюсь в волка, делаю несколько шагов к долине.

– Я справлюсь сама, – она горделиво поднимается на ноги, стирая с бедер влагу, идет в противоположном направлении. Очередные женские закидоны... Сама, значит, сама...

Не торопясь, я бреду в сторону дома. Стоит мне выйти из-под защиты хвойных деревьев, как обдает предрассветной прохладой. Дара права, встречи в лесу скоро придется прекратить и найти более подходящее место.

Кажется, я один не сплю, кроме охраны, конечно.

Бесшумно поднимаюсь по лестнице, спальня встречает абсолютной тишиной. Задерживаюсь взглядом на кровати, мысленно представляя спящую в ней Дару. Но вместо нее предстает туманный женский образ, к которому тянется все существо. Даже зверь поскуливает, улавливая мое настроение и полностью меня поддерживая.

Накрывает непреодолимая тоска к кому-то эфемерному. Тому, кого еще не существует в моей жизни или уже не будет существовать никогда. Последнюю мысль отшвыривает сознание, не соглашаясь и отрицая.

Стоя под теплыми струями воды, вымываю песок из шевелюры. Приходится трижды выдавливать шампунь на пальцы и энергично растирать, чтобы дорожка песка прекратила струиться к сливу.

Обматываю бедра полотенцем – глупая привычка, я один.

Зажимаю зубную щетку зубами, откручивая тюбик с пастой, и слышу вибрацию телефона.

Если не сбросят после пяти секунд, точно что-то важное. Один, два, три, четыре...

– Черт! – от злости хлопаю ладонью по краю раковины. – Да что ж такое, – успеваю отскочить. Фрагмент каменной раковины с грохотом падает на пол, по плитке расходятся трещины. – Коваль, если ты мне звонишь не желать приятных снов, я тебе руки вырву! – со злостью рявкаю я, понимая, что уже всех разбудил.

– Вырвешь как-нибудь, но не сегодня. Фуру нашли, ту, что пропала пять дней назад. Утопили в реке, рыбаки сетью зацепили.

– Я правильно понимаю, груза в ней не было? – зажимаю телефон между плечом и щекой, удерживая равновесие, надеваю спортивные штаны.

– Угадай? – язвит.

– Отлично. К выплате за технику прибавляется еще и стоимость большегруза, – мысленно прикидываю, сколько вернем по страховке. – Водитель? – успеваю просунуть голову в футболку и слышу:

– В местной больничке. Сказали, жить будет.

– Хоть одна хорошая новость. Ладно, оставлю твои руки на месте. Буду через три часа.

– Тут ехать часа полтора, – я слышу возмущения.

– Час-полтора на сон, остальное на дорогу. Не наглей, Коваль, я двое суток нормально не спал. Или хочешь, чтобы я издох где-нибудь в канаве, а сам займешь мое место? – откидываю покрывало на кровати.

– Да нахрен мне нужен такой геморрой. Спи хоть три часа, я тебя подожду.

– То-то же.

Ставлю будильник, полностью отключаю звонки и вырубаюсь, только закрыв глаза.

Глава 9. Женя

Я невольно стала прислушиваться к телефонным разговорам Геры, задерживаться у дверей кабинета на секунду-другую дольше, чем нужно, интересоваться его делами на работе по приходу домой и понимала, что он лжет. То, что я успевала вычленивать из диалогов, никак не вязалось с тем, когда он мне якобы пересказывал свой разговор с кем-то из подчиненных.

С меня словно сняли розовые очки или же с Милосердова слетела его личина, и я видела его настоящего – умелого манипулятора. Лжеца, невероятно обаятельного лжеца. Он виртуозно менял тему, стоило мне заговорить о новой работе, объяснял, как она скажется на моем здоровье. Идiotы-начальники, ненормированные графики, тяжелые условия – все это влияет на психологическое и физическое здоровье женщин. И если я хочу здоровых детей, мне следует поберечься.

Еще недавно подобные слова приняла бы за волнение и тревогу обо мне, но сейчас видела в них лишь давление.

За полгода отношений он сделал все, чтобы я была от него полностью зависима: оставила работу, переехала к нему, сузила круг общения с прежними знакомыми, всячески подталкивал к дружбе с девушками и женами его товарищей и коллег.

Герра не имеет теплых отношений со своими родными, ему чуждо каждую неделю ездить на другой конец города и проводить выходной с моей мамой. Он рассказывал, как ребенком ожидал свою мать с работы, сидя перед часами. Утром мама показывала, где должна находиться маленькая и где большая стрелка, чтобы она вернулась. Взамен общения она дарила дорогие подарки. Герман хвастался, ему завидовали во дворе и школе. А мне его было жаль. Его не любили, замещая теплоту вещами.

Я втайне представляла, как Герман радуется нашему малышу: играет в «ку-ку», подкидывает его в воздух, а я снимаю их на камеру и слушаю залиvistый детский смех; кормит нашего малыша; мы ходим вместе гулять по парку, что напротив нашего дома.

А сейчас облегченно смеюсь, зайдя в ванную. Я еще никогда в жизни так не радовалась приходу месячных. Последние три дня провела в ожидании, прислушивалась к ощущениям, постоянно ощупывая живот и трогая грудь.

Я чувствую легкость, тиски тревог разомкнулись на моей голове. Дискомфорт и боль внизу живота уходят на второй план. Теперь я могу себе позволить задуматься об отсрочке свадьбы или ее отмене.

Все время, пока собираюсь к маме, веду мысленный диалог. Ищу оправдания поведению Германа, ставлю себя на его место, примеряя его «шкуру». Неужели последние полгода меня обманывали? Нет, не так. Я хотела обманываться сама.

– Когда вернешься? – уточняет Герман, придерживая меня за локоть.

Я надеваю туфли.

– Точно не знаю, мы хотели сходить в кино. Сегодня повторный релиз «Гладиатора». Мама любит Рассела Кроу. – На самом деле мне жизненно необходимо поговорить с мамой, выслушать ее советы и набраться смелости. – Не раньше восьми.

Герман согласно кивает:

– Приятно провести время, – желает он, наклоняясь и целуя. – А я наконец-то отосплюсь. Ты же не в обиде, что не еду с тобой?

– Нет. Такси ждет, – я демонстрирую экран телефона.

– Будь осторожна, – слышу, нажимая кнопку лифта.

Желтая машина с шашечками ожидает у подъезда, сажусь в автомобиль и здороваюсь. В течение дороги таксист не старается завести разговор, единожды интересуется, не сделать ли музыку потише. Отвечаю отрицательно и погружаюсь в свои невеселые мысли.

После обеда в субботу дороги оказываются свободными, и я добираюсь чуть раньше, чем договаривались с мамой. Не успеваю расплатиться, на телефоне высвечивается ее фотография:

– Да, мамуль. Минутку, – шепчу водителю, копаясь в поисках карты.

– Женечка, я надеюсь, ты еще не выехала?

– Что случилось?

– Нашей соседке, той милой бабушке, стало плохо. Я сейчас в приемном отделении больницы, собрала вещи и жду, пока кто-нибудь спустится забрать.

– Я тебя подожду, – нащупываю пластик в боковом кармане и протягиваю водителю для оплаты. Мужчина награждает тяжелым взглядом и отрицательно качает головой. – Извините, – замечаю, что протянула скидочную карту магазина косметики.

– Не нужно ждать. Возвращайся домой, проведи вечер с Герой. Мне только что вручили список лекарств, я еще не скоро освобожусь.

Мама уточняет дозировку и количество, коротко прощается и сбрасывает вызов.

– Простите, вы не могли бы отвезти меня обратно. Встреча отменяется, надеюсь, вы еще не приняли другой заказ?

Мужчина безразлично жмет плечами:

– Без проблем.

Я вставляю ключ в замочную скважину, немного жду. Сердце бешено стучит. Если у меня возникали сомнения, оставаться или уйти, то, поняв, что не ношу ребенка Германа, я приняла решение.

Я же вру сама себе. У нас нет будущего. Я никогда не смогу его простить. Нужно прекращать искать отговорки. Цепляться за хорошо созданную иллюзию. Два поворота ключа,

ставлю сумочку на высокий комод у входа, сбрасываю туфли. Взгляд упирается в женскую обувь. Красные туфли на платформе и высоком каблуке. А что здесь делает Танюша в мое отсутствие?

Я узнаю ответ на свой вопрос в гостинной.

Глухие мужские стоны и влажные причмокивания я слышу, еще не до конца осознавая, что сейчас происходит. Раскинув руки и откинув голову на спинку дивана, с прикрытыми глазами и кривой улыбкой на губах Герман подается вперед бедрами. Вижу Танину спину, сбоку расстегнута молния на платье, а плечи оголены. А я смотрю на раскачивающиеся волнистые волосы в такт движению и благодарю создателя, что не могу видеть всех подробностей.

– Женя?! – Герман распахивает глаза и не верит происходящему – больше я не вижу причин спрашивать мое имя. Он быстро надевает домашние штаны и отталкивает Таню. Она заваливается, сев прямо на пол, поправляет платье. Ее пальцы дрожат, дергает молнию и «прикусывает» себе кожу. Во мне нет ни капли сочувствия, я улыбаюсь ее неудаче.

– Женек, я не знаю, что сказать, – подруга смотрит мне в глаза и двумя пальцами стирает остатки помады с уголков губ.

– А ничего не нужно говорить.

– Если ты думаешь, что я сейчас буду извиняться и оправдываться, ты ошибаешься, – она встает, опираясь рукой на журнальный столик. – За мужиком нужно следить, Женеч-

ка. Не оставлять одного, ну и обслуживать так, чтобы он не смотрел по сторонам, – кривая ухмылка портит ее лицо. – На моем месте могла быть другая или уже была.

В одном Герман был прав – Таня мне не подруга и никогда ею не была, просто дешевая подстилка.

– Пошла вон, – выкрикивает Милосердов. На ковер падает пара обуви и дамская лаковая сумочка.

– Скажи спасибо, что открыла тебе глаза, подруга, – мерзко улыбается Таня, собирая вещи. – Как видишь, ты не пуп земли, и одной красивой мордашкой не удержишь мужчину – это запомни на будущее.

Что сейчас чувствую? Шок!

Язык прилип к небу, а в душе смерч из гнева, обиды и жалости к себе.

Я невероятно жалкая! На глазах жених изменил с моей лучшей подругой, но не получается подобрать нужных слов. Даже примитивные оскорбления не срываются с моих губ.

– Закрой рот и вали отсюда, – Герман грубо хватает Таню за предплечье и тащит к выходу.

– Я босиком, – визгливо огрызается она.

– Заткнись, иначе пожалеешь.

Оглушающий хлопок двери, от которого я вздрагиваю. Герман молча проходит мимо меня. Достает бутылку с алко-голем и щедро наливает в бокал.

– Я приму душ, и мы поговорим, – осушает емкость, с грохотом возвращает бутылку на место.

Наконец я отмираю. Не знаю почему, но не плачу. У меня трясутся пальцы рук, подкашиваются колени, я дышу на полвздоха, а слез нет.

Шум льющейся воды за дверью. Надеюсь, что успею собрать свои вещи и уйти до того, как Герман выйдет из ванной. Не хочу разговаривать. Не вижу смысла. У измены не может быть оправдания, и она служит доказательством: мое решение уйти верно.

Я захожу в гардеробную, а в ней нет моих вещей. Все, что висит на вешалках и аккуратно разложено по полкам, подарено Милосердовым.

– Что ты ищешь?

Капли воды разбиваются о пол, падая с мужских волос.

– Собираю вещи. Но, как оказалось, моих вещей здесь нет.

Я не хочу встречаться с Германом взглядом.

Мне не дают выйти из спальни, перехватывая и прижимая к стене телом.

Моя одежда моментально промокает.

– Это не конец, – шепчет мужчина и гладит меня по волосам. – Женя, посмотри мне в глаза. Слышишь! Не конец!

– Ты ошибаешься, – я решаюсь взглянуть. В светлых глазах ни капли раскаяния, а затягивающая темнота злости.

– Ты не уйдешь. Нельзя взять и разрушить отношения из-за какой-то шалашовки, – Милосердов чуть отстраняется и смотрит на мой живот. – Наш ребенок! Я не отпущу вас.

– Нет никакого ребенка, Гер. И я рада, что так сложилось.

Господи, зачем я это сказала?!

Вспышка гнева захлестывает мужчину. Один сильный толчок – и мой затылок обжигает боль.

– Не смей так говорить, – цедит он сквозь зубы, удерживая за шею. На меня попадает слюна. Со стоном я стараюсь отвернуться, но мой подбородок фиксируют. – Ты родишь мне детей, Женя. Будешь улыбаться, встречая после работы, и никогда, слышишь, никогда не заговоришь в подобном тоне. Я понятно объясняю?

На мое отрицательное мычание получаю хлесткий удар по лицу.

Десятки «почему» крутятся в моей голове...

Почему все это происходит со мной? Почему я не смогла увидеть гниль в душе любимого человека? Почему искала ему оправдания?

– Я тебя люблю, ты это понимаешь? – он стирает кровь, набежавшую в уголке моих губ.

– Это не любовь, Гер. Любимому человеку не причиняют боль.

Мужские пальцы впиваются в предплечья, оставляя синяки. Мужчина рычит, сжимая все сильнее и сильнее.

– Не любовь, – шепчу, утопая в потемневших глазах.

– Ты не права, – кричит он, отшвыривая меня. Ноги подворачиваются, и я ударяюсь об угол кровати, выставляю руку, чтобы смягчить толчок. Тишина. Комната заполнена моим тяжелым дыханием. – Ты не права, – повторяет уверенно,

подходит ко мне и протягивает ладонь. – Поднимайся, нужно приложить лед к губе. Вставай! – моих сил хватает на то, чтобы отрицательно покачать головой и сжаться в комок. – Хорошо, я сам принесу лед.

Герман выходит из спальни, а я верчу головой в поисках телефона.

В висках пульсирует до темных звездочек перед глазами.

Он не в себе!

Герман меня не отпустит!

Глава 10. Женя

Из коридора слышны удаляющиеся шаги. У меня не больше минуты. Я поднимаюсь. Не буду обуваться, возьму только сумочку, в ней паспорт, телефон и немного налички.

Корю себя за то, что не развернулась и не ушла сразу, а стояла, словно загипнотизированная, наблюдала, как теряю близких людей.

Мне удастся проскочить незамеченной мимо гостиной. Тихие хлопки босыми ступнями кажутся оглушительными. Беру сумочку и ощущаю на себе взгляд. Все мышцы сводит от напряжения.

– Куда ты собралась?

Мужской голос спокоен. Милосердов чувствует себя уверенно. Он не подходит ко мне и не пытается развернуть к себе – наблюдает.

– Хотела взять телефон, – вру и надеюсь, что мой голос не дрожит, предавая. – У меня болит рука.

Говорю чистую правду. Боль ощутила, когда выставила левую руку перед собой, удар пришелся на нее. Не поворачиваюсь, открываю сумочку достаю телефон, а сама прячу паспорт за тарелку для ключей.

– Что с твоей рукой? – интересуется участливо. Герман приближается, протягивает раскрытую ладонь. – Покажи, – я демонстрирую кисть, на глазах сустав наливаются красно-

той. – Идем. Ушиб, – констатирует, бегло взглянув.

Меня усаживают на стул в кухне, Герман достает лед, вытаскивает прозрачные кубики и складывает в пакет. Обматывает полотенцем, протягивает.

– Приложи.

Что мне остается? Да только выполнять сказанное, тщательно подбирать слова в разговоре, не провоцировать и ждать, что представится возможность сбежать.

Мужчина мягко забирает телефон из здоровой руки, кладет его на столешницу, отодвигая дальше от меня.

У меня горят губа и щека, саднит затылок, боль в руке с каждой минутой становится ощутимее.

Милосердов открывает холодильник, интересуется:

– Ты голодна?

Мне не хочется есть, не хочется пить, пульсирует лишь одно желание: вернуться на полгода назад и ни за что не принимать приглашение на кофе.

– Нет.

Он достает контейнеры с едой, накладывает в большую тарелку щедрую порцию, ставит разогревать.

– Ты убедилась, что Танюша тебе не подруга? – интересуется будничным тоном, сервируя стол на одного. Стелет салфетку, кладет нож и вилку, наполняет соком два стакана, один ставит себе, второй напротив меня.

– Убедилась.

«А еще убедилась, что человек, клявшийся мне в вечной

любви, оказался настоящей мразью», – этого я не говорю вслух.

– Это хорошо, – он тщательно измельчает мясо на маленькие куски, откладывает нож, накалывает на вилку кусочек и протягивает мне. – Ешь, тебе нужно выпить обезболивающее, лучше этого не делать на пустой желудок, – я покорно открываю рот, жую. – Пойми, все, что сегодня произошло, к лучшему. Мы оба поняли, что отношения в любой момент могут быть разрушены. А это значит что? – отпивает глоток сока и смотрит, ожидая от меня вопроса.

– Что?

– Что их нужно беречь. Любые отношения нужно беречь, родная. Тем более те, в которых люди любят друг друга. Ты же меня понимаешь? – и вновь взгляд, полный ожидания.

– Понимаю.

Мне ничего не остается, лишь соглашаться. Он же безумец! Тронутый на всю голову безумец! Опьяненный деньгами и безнаказанностью.

Я жую очередной кусочек мяса, Герман наклонится, подносит бокал с соком к моим губам:

– Выпей. Сейчас таблетку дам, – достает аптечку. А мой взгляд падает на тяжелый графин. – Держи. Как рука?

Я глотаю таблетки. К покраснению прибавляется отек и проступает синева.

– Болит.

– До свадьбы заживет, – улыбается он своей шутке. – Ни-

когда не понимал этой поговорки, – фыркает и продолжает меня кормить. Заканчивает с обедом и пододвигает стул вплотную к моему. – Женя, родная, надеюсь, мы поняли друг друга? И ты не станешь ставить мелкие обиды выше нашей любви и нашего будущего, договорились?

Теплая ладонь гладит мою спину и притягивает к себе, вынуждая положить голову на мужское плечо.

– Конечно.

Хочется выть от отчаяния. Невольно я вспоминаю разговор с девчонками. Предостережение, высказанное Леной, мне казалось таким глупым и далеким. Ведь в нашей голове плохое случается с кем угодно, но только не с тобой.

– Все же не нравится мне рука. Переоденемся, и я отвезу тебя, пусть посмотрят.

Герман не оставляет меня ни на секунду. Я ощущаю себя куклой. Он усаживает меня на кровать, сам же стягивает домашние штаны и футболку, передевается в рубашку и брюки. Помогает обуться, выбрав для меня балетки.

Мы входим в приемный покой, Милосердов держит меня за руку, переплетая наши пальцы. Обаятельно улыбается медсестре:

– Есть кто-нибудь, кто сможет посмотреть руку моей невесте?

– Вам придется подождать.

Девушку не подкупает лучезарная улыбка, она указывает

на стулья вдоль двух стен. С обеих сторон сидят люди, ожидая приема.

– Вы не поняли, нам срочно.

Я вижу, как красная купюра, свернутая вчетверо, ложится у стационарного телефона.

Девушка накрывает деньги карточкой:

– Сейчас уточню, есть ли у доктора свободная минутка.

Вы присаживайтесь.

– Потерпи, родная, нас быстро примут.

Крепкие объятия стискивают мои плечи. Мужские губы целуют волосы, а я замечаю свое отражение в обшарпанном зеркале напротив. Обескровленные губы подрагивают. Испуг делает мои глаза еще больше, я всматриваюсь в лица сидящих напротив, ища поддержки и спасения. Герман спокоен, зарывается носом в мою макушку, шепчет:

– Я тебя люблю. Очень сильно люблю. Не забывай об этом.

Слова наполнены большим смыслом, чем простая поддержка и выражение чувств: они обрекают меня.

Спустя десять минут прохлада кушетки отвлекает от боли. Герман просит врача выйти на минуту для разговора, оставляя меня одну в кабинете, выложенном белым кафелем. Врач – мужчина лет сорока пяти – со скрежетом поддвигает металлический стул ближе:

– Показывайте.

Я бережно выпускаю левую руку из объятий.

– Ну тут все понятно. А с лицом что? – берет меня за под-

бородок и разворачивает к свету.

– Я же вам рассказывал, – отвечает за меня Милосердов. – Запнулась о прикроватный коврик. До чего же ты у меня неуклюжая, – произносит он с нежностью. – Как вы думаете, бригаду скорой помощи можно вызывать заранее? У нас скоро свадьба, а там столько опасностей, чего стоит первый танец молодых, – Герман источает обаяние.

– Еще где-то травмы?

– Нет, откуда, – за меня отвечает Милосердов. Я подтверждаю молчаливым кивком слова. – Она бы сразу мне сообщила.

– Возможно, ваша невеста находилась в шоке. Боль может прийти не сразу, – врач выжидающе молчит, давая мне возможность ответить. По его взгляду я понимаю, что он не верит словам Германа.

– Нет, только рука, – говорю я.

– Идемте, отведу на рентген. А вы останьтесь и заполните пока документы.

– Заполню позже. Сейчас главное – помочь.

Герман не отстает, идет рядом, подбадривая и обещая, что будет все хорошо – убедительно играет роль заботливого и взволнованного жениха.

– Вы куда? Это рентген-кабинет. Ждите в коридоре.

Лаборант плотно закрывает дверь, отрезая меня от Германа. Женщина в голубом медицинском костюме помогает надеть свинцовый фартук.

– Как же так? – спрашивает она громко и сокрушенно качает головой. – Не зима, чтобы поскальзываться.

– Споткнулась, – повторяю легенду Милосердова.

– М-м-м. А лицо? – слышу щелчки застежек.

– Задела кровать, – отвечаю заведенной куклой.

Она усаживает меня на стул, наклоняется, поправляя руку:

– Девочка, – шепчет расторопно. – Ты только скажи, Игнат Вадимович вызовет полицию. Знаешь, сколько таких, как ты? Нельзя спускать рукоприкладство!

– Я не понимаю, о чем вы.

И именно сейчас мое волнение находит естественный выход: в слезах. Крупных и горячих.

– Сейчас толкнул, а завтра...

– Вы ошибаетесь.

– Не бойся. Ему, – указывает на закрытую дверь, – вряд ли что будет. Но тебя отвезут туда, куда попросишь.

– Вы ошибаетесь, – повторяю я, сглатывая комок. Здоровой рукой вытираю слезы.

– Не шевелись, – медсестра уходит, щелчок. Возвращается, меняет положение руки. Еще щелчок. – Девочка, ты не передумала? – протягивает бумажный платок. – Еще не поздно вызвать полицию.

Я благодарю, покорно жду, когда с плеч спадает тяжесть фартука.

Полиция. Мне становится смешно. От нее я ожидаю по-

мощи меньше всего.

– Ох, Женечка, – Светлана Васильевна, мать Германа, ожидает вместе с сыном у двери кабинета. – Гера позвонил, и я сразу приехала, – слышу, женщина недовольна. Быстрый профессиональный взгляд окидывает меня. – Болит?

В очередной раз у меня нет возможности ответить. Выходит лаборант и протягивает снимки, притормаживает, замечая Светлану Васильевну. Строгая прическа, насыщенно синий китель, прямая спина и сильный взгляд выделяют ее из общей массы людей. Женщина, которая по факту владеет нашим городком. Ее не знает в лицо только слепой. Лаборант смотрит на меня с нескрываемым сочувствием.

– Благодарю, – Герман забирает снимки.

Светлана Васильевна приобнимает меня за плечи, разворачивает, увлекая в процедурную.

Через час мы выходим на свежий воздух, где нет зловония лекарств вперемешку с естественным запахом людей, парфюма и хлорки.

Повязка мешает, фиксируя левую руку. Я пытаюсь почесать плечо.

Светлана Васильевна отпускает служебную машину и едет с нами, сев на заднее сиденье автомобиля.

– Герман, нам с Женей нужно поговорить. Будь добр, когда мы приедем к вам домой, оставь нас одних.

Весь остальной путь мы проводим в молчании, тишину нарушают частые звонки Светлане Васильевне, но она сбра-

сывает вызовы

– Я схожу в аптеку и за кофе, – сообщает Герман, помогая мне снять обувь. – Скоро вернусь. Тебе как обычно? – интересуется.

А моя голова готова взорваться! Он улыбается мне, придерживает за локоть, вот так просто, словно ничего не произошло. Кажется, что я схожу с ума. Так не бывает... так не должно быть. Неужели у этого человека нет никаких рамок? А если и есть, то его мораль перевернута с ног на голову.

Глава 11. Женя

– Женя, – начинает разговор Светлана Васильевна, усаживая меня на тот самый диван, где несколько часов назад была окончательно убита моя вера в любовь и дружбу. – Я не оправдываю поведение своего сына, но... – я невольно вскидываю голову. Какие могут быть «но»? – Прошу понять Геру.

Боль в теле отвлекает, я стараюсь сосредоточиться и уловить смысл сказанного.

– Не понимаю, – говорю честно.

– Он очень ранимый мальчик... мужчина, – поправляется и продолжает: – Ты, наверное, знаешь, что в детстве он был лишен моей любви. Свою жизнь я посвятила службе. Но меня нельзя обвинить, я обеспечивала себя и ребенка и создавала наше будущее. Возможно, отсутствие мужского воспитания наложило на него отпечаток. У него никогда не было достойного объекта для подражания. И поэтому его модель поведения отличается.

Если следовать логике этой женщины, то самого жестокого убийцу можно представить безобидным человеком, у которого есть незначительные проблемы.

– Единственным желанием Германа всегда была большая и крепкая семья. Еще в детстве он просил братика или сестричку, но я не могла себе позволить еще одного ребенка. Герман ориентирован на семью и заботу. Я понимаю, что это

подсознательная компенсация детства. Но разве семья – это плохо, Женя?

– Нет.

Женщина улыбается одними губами:

– Поэтому его выбор пал на тебя. Ты замечательная девочка, красавица, любишь детей, уважительно относишься к окружающим, поддерживаешь отношения со своей мамой – все это говорит о том, что ты будешь верной женой и хорошей матерью.

Хочется кричать, срывая горло: «Я буду хорошей матерью! Я буду верной женой! Но не для вашего сына!» А осталось лишь сохранять видимое спокойствие.

– За многолетнюю службу я видела множество семейных драм. И в большинстве случаев они случались из-за недопонимания между мужчиной и женщиной. Я не беру в расчет семьи, в которых оба алкоголики. Нужно понимать своего мужчину, – подытоживает свой монолог. – Знать, когда следует промолчать, когда поддержать и проявить ласку. И Герман, как никто другой, будет благодарен, никогда и никому не даст в обиду тебя и ваших детей. Вы не будете нуждаться, мои внуки получат хорошее образование и возможность реализовать свой потенциал. Хорошенько подумай над моими словами. Но я уверена, Женя, ты примешь правильное решение.

Светлана Васильевна поправляет воротничок рубашки. Не нужно быть мудрецом, чтобы понять истинный смысл ее

слов. Только что мне указали место и перспективы на жизнь. Она не требовала от меня немедленного ответа, прекрасно зная, что я подчинюсь. Это был не душевный разговор матери жениха и невестки, это ультиматум.

Светлана Васильевна не задерживается и покидает квартиру, стоит мне услышать шаги Германа.

Уже двенадцать дней, как моя жизнь превратилась сплошь в ожидание.

На лице сошла гематома и зажила нижняя губа. Я больше не чувствовала боли в затылке, ложась на спину. Выполняла все указания врача, принимала выписанные препараты, но не тешила себя надеждой, что Милосердов когда-нибудь изменится. Не верила ни единому его слову. Казалось, звук голоса, все его жесты пропитаны ложью.

Мне оставалось изображать покорность и выжидать. У меня не было связи с внешним миром, беседы с мамой проходили только в присутствии Германа. На остальные звонки он отвечал сам, рассказывая о несчастье, произошедшем со мной. Просил некоторое время не беспокоить и проявить понимание. Обещал, что я обязательно свяжусь с каждым, как только буду чувствовать себя «сносно». В переводе с языка Милосердова: когда я перестану вызывать у него опасения. Такие ограничения объяснялись заботой, ведь моему организму, пережившему стресс, нужен «исключительно покой».

Банковские карты были изъяты и тоже не просто так: Гер-

ман решил сменить банк, условия прежнего его не устраивали.

С особой тщательностью я перетрясла сумочки в поисках наличности, и теперь у меня есть семь рублей. Я напоминаю себе неудачливого воришку, стоя в гардеробной и проверяя карманы пиджаков. Моей добычей оказался мятный леденец и скомканная бумажка с цифрами, набросанными крупными корявыми буквами.

Единственное мое богатство – паспорт, который я перепрятываю каждое утро.

Я ни минуты не оставалась одна, на следующий день, как мне наложили гипс, Герман нанял домработницу. Она приходила до того, как Милосердов собирался на работу, и уходила с его возвращением.

Герман перенес торжество на зимние каникулы, а вот регистрацию не отменял.

– Так даже лучше, – он лежит рядом со мной. – Будут прекрасные снежные фотографии. Мне посоветовали шикарное место для фотосессии – небольшой поселок в старорусском стиле. Только представь: избы, сани, запряженные тройкой лошадей, никакой жары, мух и комаров.

Создавая иллюзию прежних вечеров, проведенных вместе, я пролистываю ленту в соцсети и ставлю сердечки новым фото своих знакомых. Неужели и в их внешне благополучных жизнях происходит что-то ужасное? Все невероятно успешные, красивые, здоровые, они демонстрируют сво-

их идеальных мужей, детей и питомцев.

– А почему бы тебе не выложить наше совместное фото? Пусть и твои подружки позавидуют, – Герман перехватывает мой телефон, включает камеру. – Улыбайся, родная, – он целует меня в щеку, уголок губ и волосы, каждый раз делая кадр. – Какое тебе нравится? – листает фото. – Мне вот это, – останавливается на том, где мое лицо озаряет широкая улыбка. Я научилась улыбаться с болью в душе. – Мы отлично смотримся. Выкладывай, – протягивает смартфон. – Не сомневайся.

Я поступаю, как он просит, и уже через несколько секунд отвечаю на комментарии под фото. Нам шлют «сердечки» и «поцелуйчики». Пишут, что мы идеальная пара, а в наших глазах светится искренняя любовь.

Положив подбородок мне на плечо, Милосердов читает и улыбается.

Господи, до чего же мерзко!

С каждым днем Милосердов позволяет себе все больше и больше. Он уже не ограничивается осторожными объятиями и легкими поцелуями. Ласки становятся настойчивее и продолжительнее.

До сих пор мне удавалось ссылаться на мигрень, боль в руке. Но не получится же вечно отказывать в близости, а мне жизненно необходимо изображать покорную игрушку. Добиться хоть немного доверия, а значит, и свободы.

В течение двух недель по вечерам Герман играет по моим правилам, проявляя терпение.

Но не сегодня. Я вижу в его глазах похоть, и никакие отговорки мне не смогут помочь.

Он наблюдает за мной, пока я разговариваю с мамой. Садится так близко, что наши бедра соприкасаются. Его руки ложатся на талию и плотно притягивают к себе.

– Прощайся, – шепчет он на ухо.

– Мам, мне пора. Созвонимся завтра, – не без сожаления я прерываю разговор.

– У тебя точно все хорошо? – интересуется она не в первый раз.

Как любая мать, она чувствует изменения в поведении своего ребенка, спрашивает, здорова ли я и не ссорились ли мы с Герой. На что я, не задумываясь, отвечаю: «У меня все отлично, мамуль».

– Да, мамуль. Меня Герман зовет.

– Умница моя.

Гера обнажает мою шею, собирая волосы и перекидывая через одно плечо. Я чувствую на своей коже влажный горячий поцелуй. От бессилия зажимаю глаза до белых мушек. Мужские пальцы гуляют по хорошо изученному телу, лаская, помня каждую точку, каждое местечко, что вызывает во мне дрожь и желание.

– Убери телефон, он нам не понадобится, – шепчет Гера. Я кладу смартфон на покрывало рядом с собой. – Соскучи-

лась? – я невнятно мычу, отвечая на поцелуй, глубокий и требовательный, пожирающий в моих легких кислород.

Этот человек разрушит меня. Не оставит ничего, подчинит, полностью сотрет мое «я». Уже сейчас я себя ненавижу. Ненавижу свое тело, которое меня предает.

Телефонный звонок прорезается в сознание, настойчивый, не прекращающийся.

– Гер, тебе нужно ответить.

– Перезвоню, – мужчина нависает надо мной. Бросает взгляд на тумбу, где, не переставая, звонит телефон. – Черт, – отталкивается ладонями от матраса. – Ложись спать, не жди меня, – бросает через плечо, принимая вызов. Я слышу беседу на повышенных тонах. Герман кричит, он в бешенстве, спустя мгновение возвращается и напрямик идет в гардеробную. – У меня проблемы. – Натягивает брюки, доносится металлический звон пряжки ремня. – Наталья будет через двадцать минут, она составит тебе компанию, пока я не вернусь.

А я не верю своему везению. У меня двадцать минут, чтобы удалить из жизни Милосердова.

– Надеюсь на твое благоразумие. Рука еще полностью не зажила, – напоминает он, выглядывая из-за двери и ища мой ответный взгляд. – Не дожидайся меня, Жень, ложись отдыхать.

Герман выходит из гардеробной полностью одетый. Несмотря на спешку, не забывает небрежным жестом за-

брать с кровати мой телефон.

– Отдыхай, – целует в губы и торопливо уходит.

Я не шевелюсь. Прислушиваюсь к каждому звуку. Когда слышу хлопок двери, срываюсь с места и бегу в гостиную, где из окна можно видеть выезд из жилого комплекса.

Ну где же он? Встаю на носочки, выглядывая за угол дома. Белый автомобиль хищно проезжает по территории и замирает на мгновение перед шлагбаумом.

– Пожалуйста, пожалуйста, – я молю сама не знаю кого. Дорога открыта, и автомобиль срывается с места, огни задних фар теряются в темноте.

Я бегу обратно, на ходу снимая ночную сорочку, стягивая тонкие лямки, и выскальзываю через ноги. Надеваю темные штаны на резинке, не хочу терять время на молнию и пуговицу, с травмированной кистью нелегко справляться даже с такими простыми заданиями. Я не надеваю бюстгальтер, просовываю голову в свободную мужскую футболку белого цвета, заправляю ее. Накидываю ветровку, надеясь хоть как-то скрыть такую явную приметку, как гипс. Все это занимает слишком много времени...

Одной рукой я закидываю в спортивную сумку несколько комплектов одежды, не разбирая, что попадается мне под руку.

Еще тринадцать минут до приезда домработницы.

Разбираю постель и на своей половине кровати из двух банных халатов делаю подобие спящей человеческой фигу-

ры, укрытой одеялом.

Забираю паспорт из зимней куртки, куда я его перепрятала сегодня утром, бережно складываю во внутренний карман ветровки.

У меня есть все, кроме денег.

В спешке Герман не надел часы, так и оставил их лежать на тумбе рядом с кроватью. Никогда бы не подумала, что смогу украсть и не испытывать при этом угрызений совести. Спрятав часы между одеждой, застегиваю сумку.

Все остальные драгоценности убраны в сейф.

В ушах серьги с мелкими изумрудами, не представляющие ценности по мнению Милосердова, а на безымянном пальце правой руки красуется обручальное кольцо.

В ломбарде за него не дадут и десятой части стоимости. Но и этой суммы хватит, чтобы уехать максимально далеко от города, в котором нет ничтожного шанса на жизнь, о которой я мечтала.

Глава 12. Женя

Металлические двери лифта плавно закрываются, а я их всячески их подгоняю, шепча:

– Ну... поехали уже.

Лифт назло двигается нарочито медленно, словно хочет предать. Зато мысли в моей голове мечутся со скоростью света. За одиннадцать этажей я успеваю пожалеть, что не стала спускаться по лестнице. Вдруг двери распахнутся на первом этаже, а там стоит Наталья или, хуже того, Герман вернулся по каким-либо причинам.

На ладонях выступает влага, а сердце выпрыгивает, грозя оглушить не только меня, но и окружающих.

Поправив сумку, уверенным быстрым шагом я выхожу из подъезда, чуть не сбив с ног женщину, сюсюкающую со своей собакой.

Пробегаю по территории жилого комплекса, вглядываясь в темноту. Наталья может появиться с минуту на минуту.

Выхожу за кованое ограждение и двигаюсь в сторону центра города, туда, где легко затеряться. Петляю между прохожими, срезаю через дворы. Молодежь, распивающая пиво на лавочках, не кажется уже такой пугающей и отвязной.

Я несусь, читая названия улиц и пробегая глазами по вывескам в поисках ломбарда.

У меня нет денег, нет связи – нет ничего. На память я

знаю лишь два номера телефона: мамин и Милосердова, но никому из них я не хочу звонить.

Мой план безумен и, скорее всего, обречен на провал, но я не намерена отступить! Я не вернусь!

Перебегаю дорогу, как раз горит зеленый свет, на первом этаже девятиэтажки множество мелких магазинчиков. Они все еще работают, маня яркими вывесками. Цветы, пекарня, салон сотовой связи, продуктовый – читаю, вглядываясь в витрины.

Ломбард! Удача вновь мне улыбается. Под указателем с торца здания неприметная серая металлическая дверь. Хватаюсь за ручку и с силой тяну на себя.

– Черт! – дергаю еще несколько раз, убеждаясь в том, что она действительно закрыта.

– Эй! – не сразу понимаю, что обращаются ко мне. Крепче прижав сумку, оглядываюсь. Рядом со мной парень. Спортивные штаны, кроссовки, черная толстовка с капюшоном. Именно так я представляю себе людей, которые отбирают в темных переулках сумочки и телефоны. – Закрыто. Работают до восьми, – затягивается сигаретой, отчего я различаю черты лица, скрытые мраком.

– Спасибо, – раз меня не собираются грабить, решаюсь спросить: – А не подскажете, где еще открыт или работает круглосуточно?

– Иди на Невскую. Рядом с цирком во дворе есть круглосуточный ломбард. Слышь, если сегодня работает мужик с

татухами, то бери, что предлагают. Но если старикашка, не теряйся. Умножай предложенное на три. Двойную цену точно отдаст.

– Поняла.

С каждой минутой прохожих все меньше, я стараюсь держаться в тени и дальше от проезжей части. При появлении любого белого автомобиля сердце замирает и сразу же пускается галопом. Опускаю голову и ускоряю шаг, я и так практически бегу, в горле пересохло, а в правом боку начинает покалывать.

Цирк. Делаю оборот вокруг своей оси, желая сориентироваться и найти какой-нибудь указатель. Если ломбард работает круглосуточно, то должна быть вывеска с подсветкой.

Жилые дома только на одной стороне улицы, перехожу дорогу и ныряю в первый двор. Непроглядная темнота, в середине очертания пустующей детской площадки, тусклый свет из окон слабо освещает мне путь, пробегаю по кругу, вглядываясь в закрытые металлические двери подъездов.

Не позволяя себе отдышаться, осматриваю второй, такой же пустынный и темный. И лишь в третьем вижу яркую неоновую лампу над дверью с информирующей надписью «Ломбард». Нажимаю на ручку – дверь поддается. Лестница и длинный коридор приводят в ярко освещенную комнату. Стеклянные витрины подсвечены, я прохожу мимо телефонов, планшетов, электробритв, миксеров, фенов... Кажется, люди выносят из дома все. Из смежной комнаты выходит по-

жилой мужчина, тощий, в старой засаленной рубашке вишневого цвета и широких спортивных штанах не по размеру, грязные седые волосы прилизаны, а на мясистом носу очки в тонкой металлической оправе.

Действительно, мерзкий старик, парень в толстовке не соврал.

Старик прищуривается, внимательно проходит по мне взглядом сверху вниз, оценивая.

– Добрый вечер, – я решаюсь начать разговор. У меня нет лишнего времени.

– Добрый, – улыбается он широко, демонстрируя крупные вставные зубы. Слишком белые, неестественные. – Что привело красавицу? Украшения у нас вот здесь, – указывает пальцем с отросшим грязным ногтем в сторону витрины. – Себе или на подарок?

– Я не покупать. Хочу сдать. Кольцо, – протягиваю правую руку. Кольцо надето золотым ободком вверх, камень предусмотрительно спрятала от посторонних глаз.

– Да что тут сдавать? На лом могу принять, – постукивает ногтем по ободу. – Тыща, не больше, – заключает, заканчивая свой своеобразный осмотр.

– А если так? – переворачиваю кольцо, демонстрируя прозрачный камень в виде сердца. Старик заметно подбирается, но тут же кривится:

– Стекляшка. Пятачок могу накинуть за него, – звонко кладет металлическую монету на стеклянную витрину.

А я уверена, что Милосердов ни за что бы не надел мне на палец стекляшку, он любит покрасоваться перед окружающими.

– Не пойдет, – сухо отвечаю и разворачиваюсь к выходу. Надеюсь, мой маневр удастся, ведь предложенная тысяча меня не спасет. Делаю несколько шагов по звонкому кафелю, примиряясь с мыслью, что заберу деньги и поеду к маме, рассчитывая, что Милосердов не перехватит меня у подъезда.

От мысли, что появлюсь у мамы среди ночи и попрошу помощи, замирает сердце. Мне придется рассказать о том, как я ошиблась, обо всем, что пережила за последние несколько недель. Становится невыносимо стыдно за обман. А еще страшно: Герман не забудет обо мне, а Светлана Васильевна всегда найдет рычаг давления и на меня, и на моих близких.

Нужно исчезнуть, а как это сделать без средств к существованию?!

– Стой. Какая решительная. Даю червонец и ни копейки больше.

Вспоминая слова парня, торгуюсь:

– Тридцать, – а сама жалею, что запретила озвучивать стоимость кольца Тане тогда, за столом.

Дед хитро улыбается:

– Пятнадцать.

– Двадцать пять, – иду обратно к прилавку, выдавая свою заинтересованность.

– Восемнадцать. Ты же понимаешь, что твое колечко бу-

дуг искать, выставить я его не смогу.

– Я верю в ваши способности, – наглею и называю очередную цифру: – Двадцать и пару тысяч мелкими купюрами, – ощущаю себя героиней фильма.

– Разоришь ты меня, деточка, – соглашается, а я не сдерживаю улыбку. Старик оживает, закрывает входную дверь и быстро скрывается в глубине помещения. Возвращается, плюет на пальцы и отсчитывает купюры, внимательно слежу за его движениями. – Все честно, – пододвигает двумя пальцами деньги.

Снимаю кольцо и кладу на протянутую мягкую тряпочку, дед любовно протирает обод, вскидывает руку, рассматривая на свет. Включает лампу на столе и усаживается. Достает небольшую коробку, совершенно забыв обо мне.

– Откройте дверь, – я привлекаю внимание.

– Ах да, – нажимает кнопку под столом. – Барышня, сейчас тебе такси предложат, ты не соглашайся.

Я перевариваю информацию. Слышу, как дверь запирают, а к стариковскому голосу присоединяется еще один – молодой.

Не вслушиваясь и не задерживаясь, выхожу на свежий воздух. Как дед и говорил, стоило мне отойти от двери, рядом тормозит автомобиль:

– Девушка, садитесь подвезу. Недорого возьму, – слышу мужской голос. Мои пальцы сжимают ручку сумки до хруста в костяшках.

– Меня уже ждут, – отвечаю я и пускаюсь наутек.

Слышу сигнал клаксона и крик в спину:

– Э-э-эй.

Не реагирую, бегу, вспоминая короткий путь к автовокзалу. Боюсь пользоваться поездом, а тем более самолетом, да и у меня слишком скромный запас денег, чтобы так бездарно их тратить.

Уже вижу огни железнодорожного вокзала, часы на башне показывают первый час ночи. Прошло два часа, как я вышла из квартиры Германа, скорее всего, он уже знает о моем исчезновении.

Я поднимаюсь по мосту, ведущему над железнодорожными путями, сворачиваю направо, издалека видны высокие двухэтажные комфортабельные автобусы и группы людей, снующих перед ними. Одни сдают багаж, утопая в металлическом боку и оставляя там свой чемодан, другие получают – минутой ранее мимо меня проехал сине-красный исполин и остановился у главного входа.

Шагаю вперед, не представляя, куда ехать...

Возьму билет на ближайший рейс, неважно, куда он меня приведет.

С опаской выхожу из спасительной темноты в лучи ярких фонарей. Прохожу в просторный зал ожидания, вскидываю голову, читая расписание рейсов, ищу подходящий. Мною никто не интересуется: продолжают дремать, гадать кроссворды или копаться в телефонах. Даже полицейский на вхо-

де лениво провожает меня взглядом. Я ничем не отличаюсь от тех людей, что ожидают свой рейс: удобная одежда и объемная сумка.

Перестаю дышать, когда слышу громкий голос Милосердова:

– Ищите!

Вижу его спину, он разговаривает по телефону, облокотившись на газетный киоск. Делает шаг назад, разворачивается, вглядываясь в цифры на электронных часах. Еще немного – и он меня заметит. Я одна стою посередине зала, не считая полицейского. Герман понижает тон, и его слова больше не разносятся под высокими потолками, он отводит безразличный взгляд, растирает веко костяшками пальцев и вновь поворачивается ко мне спиной.

Никогда в жизни не испытывала подобного страха, секунда – и я бы грохнулась прямо на бетонный пол.

Не оглядываясь, я отступаю к выходу. Как я не заметила автомобиль Милосердова? Он стоит перед ступенями, сейчас вижу его сквозь стеклянные двери.

Ныряю в приоткрытую створку и снова бегу, спешу скрыться во мраке, вижу спасительную темноту, нужно лишь оказаться на той стороне дороги... Оглушающий звук клаксона откуда-то справа, я сжимаюсь, ожидая удара, но ничего не происходит.

– Малахольная! – крик точно предназначается мне. Не раздумывая, я оббегаю автобус и стучу ладонью по закрытой

двери. – Опоздала, что ли? – влетаю в салон под недовольные взгляды десятков пассажиров. Водитель вопросительно смотрит.

– Да! – подхожу ближе и практически шепчу: – Только билет не успела купить.

– Заходи, – машет головой в салон. – Разберемся.

– Спасибо.

Звук закрываемых дверей служит отправной точкой. Вся накопленная усталость падает на мои плечи, к пустующему сиденью в конце салона я подхожу на полусогнутых ногах. Буквально падаю и пересаживаюсь к окну. От волнения хочется рыдать в голос, закрываю рот ладонью и сдавленно всхлипываю. Автобус плавно движется, а я смотрю только вперед – на макушки людей, запрещая себе оглядываться. На первом перекрестке нас нагоняет Милосердов. Знаю, что за тонировкой меня не увидят, но тело само сжимается в комочек, ощущая опасность.

Белый автомобиль сворачивает, а мы продолжаем ехать прямо.

Я не позволяю себе спать, страх, что Герман нас нагонит, не отпускает ни на секунду. Не выпуская сумку из рук, в любой момент готова сорваться с места. Но усталость берет свое, глаза предательски слипаются, и голова падает на грудь. Не знаю, сколько времени прошло, я разрешаю себе расслабиться, обняв сумку и запрокинув голову, дремлю.

Автобус медленно сбрасывает скорость, адреналин мо-

ментально выстреливает в кровь. Выпрямляюсь, оглядываюсь: придорожное кафе и многочисленные киоски.

– Стоянка двадцать минут, – оглашает водитель, в салоне зажигается свет. Неплохо бы размяться, купить воды, а главное – узнать конечный пункт. Выхожу из салона последней, задержавшись на последней ступени, втягиваю прохладный воздух. – Полторы, – слышу над ухом.

– Что? – не соображаю о чем речь.

– Билет, малахольная.

– А, да, конечно.

Лезу в карман ветровки, где отложила несколько купюр. Остальные деньги сложила в карман штанов и застегнула молнию.

Водитель забирает купюры, в очередной раз громогласно оповещает:

– Пятнадцать минут! Ждать никого не буду. Кто купит семечки, высажу сразу же.

А я, делая вид, что прогуливаюсь, иду к лобовому стеклу и читаю название города, куда мы едем. Невольно улыбаюсь воспоминаниям и своей удаче.

Глава 13. Лео

– Лео, – вьедливый голос Велы пробивается сквозь сон. –

Лео, – я чувствую толчок в плечо.

– Отстань, а, – ворчу, не открывая глаз.

Слышу, как сестра набирает воздух в легкие, «отстань» ей точно не понравилось.

– Будешь со своими подчиненными так разговаривать.

– А я и разговариваю, не забывайся, сестрица.

– Сам тогда крась, – вспыхивает она гневом, громко и на- зло стучит каблуками, выходя из спальни, чеканит шаг по каменной лестнице, спускаясь.

– Встаю, – кричу, зная, что сестра услышит.

Приходится подниматься, вчера уснул, не успев раздеться, прилег вроде бы на минуту – и уже утро. По бокам от плотных штор пробивается ранее солнце.

– Неблагодарный, – Вела возвращается, держа в руках тюбики.

Кому скажи – обхохочутся. Мужчина! Оборотень! Альфа! Красит волосы! Когда все стараются придать молоджавости, я всячески себя состариваю. И эта процедура добавления седых прядей в мои от природы темные волосы бесит не меньше отращенной бороды. Вспомнив о ней, с удовольствием чешу подбородок и щеки.

– Садись, знаешь же, что не один час уьем.

– Дай умыться, – я сбрасываю вчерашнюю одежду в корзину для грязного белья, а в спальне противный звук кисточки о керамическую чашку тук-тук-тук. Чищу зубы, а в нос проникает ядовитый запах перекиси, громко чихаю, отчего все зеркало в зубной пасте.

– Зеркало протри.

– Да-да, – размазываю ладонью, превращая белые круглые капли в полосы.

– Садись, – сестра ставит табурет.

– Давай быстрее.

На мои плечи ложится полотенце. Вела берет кисточку и выводит белые пряди, заматывая их в фольгу.

– Милый. – Ох, как я не люблю такое начало разговора: девяносто девять процентов из ста, что он мне не понравится. – Нужно добавить еще седины, ты слишком хорошо выглядишь для своих... Кстати, а сколько тебе? – отвлекается, и мы встречаемся взглядами в отражении.

– Чуть больше пятидесяти.

– А конкретнее? Есть же документы.

– Пятьдесят второй год. Крась.

– Ты слишком хорошо выглядишь для паспортного возраста, – утверждает, хлопая меня по плечу, отчего капли краски падают мне на ступни. Берет пучок волос посередине лба и щедро проходится вонючей смесью.

– Предлагаешь носить накладной живот?

– Нет, конечно. Сутулься, что ли.

– Угу, и подволакивай ногу. Обязательно, Вел. Если бы ты не упрявилась...

– О нет-нет. Ты прекрасно знаешь, что руководителей женщин, да еще и в транспортной компании никто слушать не будет. А посадишь наемного, так воровать начнет, проходили уже, знаем, – назидательно произнесла сестра. – Потерпи, сейчас Ник пройдет оборот, Ар с Митей заменят тебя, а ты будешь заниматься только стаей.

У меня вырывается смешок:

– Только.

– Когда ты встретишь свою единственную, обещаю...

Я прерываю поток пустых слов. Нет, я верю в то, что мои родные поддержат, но это «когда» – будто кто-то знает точную дату. Подобные разговоры лишь теребят душу, давая ложные надежды.

– Если, – поправляю. – Если встречу, – невольно отвожу взгляд в сторону.

– А я уверена, что Богиня про тебя не забыла.

– Прекрати, я не наивный щенок. Не нужно рассказывать про планы Селены. Эти сказки приятно слышать, когда тебе десять, а в моем возрасте – глупо. Нужно понимать, что если сейчас где-то и ходит моя пара, то я просто могу ее не встретить. Не пересекутся наши дороги, и все.

– Ты стал невыносим, – сестра поджимает губы и переходит к правому виску.

– Я просто устал. Ты знаешь, как я не люблю быть среди

людей.

Если Мит и Илья с удовольствием знакомятся и поддерживают отношения с людьми, то меня их суэта утомляет. Люди все время куда-то спешат, но при этом умудряются бездарно тратить жизнь.

– Что насчет Ирмы? – сестра меняет тему.

– Ничего. Мы опросили всех, кто был в тот вечер на месте, они повторяют одну и ту же историю: нашли, испугались, ушли. Платов не противится нашим разговорам, но и восторга не выказывает. У меня складывается впечатление, что Ирма оказалась не в том месте не в то время. Илья все порывается поговорить с Платовской дочерью, но Иван находит причину, чтобы не привозить ее с собой. Каждый вечер мне звонит кто-нибудь из Суворовых, а я им не могу сказать ничего толкового.

– Ты делаешь все, что можешь. Я в этом уверена, – сестра ласково смотрит на мое отражение.

– По-другому нельзя, – произношу вместо слов благодарности.

– А пропавшие фуры?

– За последний месяц пропало две машины. Обе нашлись.

– Всего две? – уточняет количество.

– Две, – подтверждаю и надеюсь, что последние. – Безусловно, если взять в расчет, что на трассах ежедневно происходят подобные случаи и редкий день обходится без клича о потере связи с кем-то в чатах логистов, то не так все страш-

но. Но! Обе фуры пропали на трассе в одном направлении.

– Ну...

– А причин для беспокойства две. Во-первых, Ирму нашли в том же районе. А во-вторых, большегрузы топят, понимаешь?

– Скрывают запах! – догадывается сестра.

– Именно. А о чем это говорит?

– Они знают, кто владельцы и что напавших могут найти по запаху.

– Можем, да нет его – запаха.

– Поворачивайся лицом, – Вела разбирает пальцами бороду.

– И не выбирают сборный груз, где хлам из города в город катают, а точечные нападения. Обе фуры с техникой.

– А вы проверяли...

– Вел, конечно, мы подумали о том, что кто-то сливает рейсы, – перебиваю. Стараюсь говорить, не размыкая губ, не хватало попробовать на язык адски вонючую смесь. – Но к базе есть доступ у нескольких сотен человек. Это как искать иголку в стоге сена. Как же жжет.

Склонившись к лицу, Вела тщательно прокрашивает бороду.

– Дядька, да ты неженка! – Мит застывает в дверном проеме между спальней и ванной. – Ма, а ты что на груди-то ему не красишь? Контраст получается. – Я в ужасе опускаю взгляд на короткие темные волосы. – Да и в паху нужно воз-

раст прибавить, – скалится в улыбке.

Вела тихо посмеивается, но все же грозно выдает:

– Это не тема для шуток!

– Я же каждый месяц жду этот знаменательный день.

Можно сказать, и живу ради него.

Племянник продолжает «сушить» зубы, испытывая мое терпение.

– Давно в няньках не ходил? – нахожу я аргумент, который его действительно пугает. Парень меняется в лице, и приходит моя очередь улыбаться. – За мелкой Элькой не хочешь присмотреть?

– Ой, ей не пугай. Она уже сама за себя постоит.

– А если на фермах погостить с полгода, где из женщин только белки и коровы?

– Несовместимость видов, – пожимает он плечами, но быстро гасит улыбку, ощущая, что я не шучу. – Понял, не дурак, дурак бы не понял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.